

ЦАРСТВО СМЕРТИ

НЕИЗДАННЫЙ АКТ ПЕРВОЙ РЕДАКЦИИ «СМЕРТИ ПАЗУХИНА»

Воспоминания В. л. И. Немировича-Данченко

Предисловие Ф. Головенченко

Комментарии В. а. Гиппиуса

ЩЕДРИН В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕАТРЕ

(Из воспоминаний)

Художественный театр не скоро обратился к русским классикам. После Чехова и Горького он страстно искал своего современного драматурга. Но это не удавалось. Самые талантливые — Найденев, Сургучев, Юшкевич, Чириков — не могли дать театру полноценный материал. Только Леонид Андреев еще находил в театре сочувственную встречу. И то главным образом во мне. Я очень признавал его огромный драматургический талант и старался утвердить его в нашем репертуаре. Большая же часть активных работников театра не оказывала доверия ни его художественному вкусу, ни его — казавшемуся слишком острым — восприятию жизни. Хлесткая, но не очень справедливая фраза об Андрееве Льва Толстого: «Он пугает, а мне не страшно» влияла на репутацию автора «Анатэмы», «Жизни человека», «Екатерины Ивановны» и пр.

Но и другая причина долго удерживала нас от обращения к русским классикам: мы долго не считали себя готовыми по составу труппы, по наличию подходящих крупных индивидуальностей и степени актерской зрелости. Как это ни странно, но «Юлия Цезаря» было играть легче, чем не только «Ревизора» и «Горе от ума», но даже «Мудреца» и «Смерть Пазухина». Потому что тут уж нельзя укрыться за постановку, за массовые сцены, тут сценические задачи всей тяжестью ложатся на актеров. В русском классическом репертуаре заключался богатейший материал для наших актеров, но образы этого репертуара много раз создавались с высоким мастерством их предшественниками, имели свои традиции, которые нелегко было преодолевать. Новому исполнителю приходилось выступать перед зрителем не свободным, вооруженным готовой критикой, даже предвзятостью.

И к Щедрину мы обратились, когда театр почувствовал себя достаточно созревшим для изображения глубоких и сочных типов русской классической литературы. По сравнению с другими классиками подойти к Щедрину было и легче, и труднее, чем например к Гоголю, Островскому, Льву Толстому или Достоевскому. Легче — потому что щедринские типы не были так популярны. Стало быть до известной степени сохраняли интерес несравнимости, а для многих даже новизны. Это значительно уменьшало ответственность актера. А труднее — вот почему.

Актер ожидает от автора не только благодарного сценического положения и психологического содержания и выразительного, «доходчивого» текста, словом не только элементов, возбуждающих его фантазию, темперамент и мастерство, но еще чего-то такого, что не поддается точному определению и что мы называем мало убедительным словом «обаяние». Обаяние автора — оно наполняет атмосферу всего представления, оно ласково, но властно привлекает зрителя к послушанию авторской воле, оно охватывает его сочувственным вниманием сильнее психологической последовательности.

сильнее рассудочных убеждений. И оно же чрезвычайно облегчает пути актера к сердцу зрителя.

Наиболее ярким примером обаятельного сценического писателя для старой театральной залы Художественного театра был Чехов. Его личное писательское обаяние так сливалось с артистическими индивидуальностями, что покрывало и ограниченность психологического интереса — по сравнению, положим, с Достоевским, и скудость сценических положений — по сравнению например с Толстым, и преимущества драматургического мастерства Островского и Гоголя.

Огромное обаяние для старой театральной залы было и в Горьком, и в Тургеневе, и в Островском, и в величайшей степени в Толстом. Я подчеркиваю характер театральной залы, из осторожности называя ее «прежней театральной залой». Возможно, что то, что я определяю обаянием, в большой степени объясняется известным уровнем художественного вкуса, литературным и художественным воспитанием целой эпохи. Зритель быстро шел навстречу идеализму, мягкому отношению к жизни, когда искусство не беспокоит, а ласкает, и наоборот — настораживался и ошетинивался, если произведение искусства дразнит и злит. Многое из того, что ставилось в лучших театрах, может быть в какой-то степени и подсахаривалось. Тем не менее трудно отрицать, что и в писателе, как и в художнике, и в особенности в актере, имеются элементы этой не поддающейся анализу притягательности.

Вот в этом-то качестве Щедрина и уступал другим классикам. По крайней мере мы его так воспринимали. Колючий талант. Беспокойный, не ласковый. Суровый, строгий. Актерское творчество не понесется с ним в зал, как на легких крыльях. Оно встретит в зрителе хмурую настороженность.

Такой же большою частью Гоголь. Такой же очень сильно Сухово-Кобылин в «Смерти Тарелкина».

Припоминаю, что еще до включения в наш репертуар «Смерти Пазухина» я мечтал об инсценировке «Семьи Головлевых». Был у меня уже подробный план. О главном лице — о Порфирии Головлеве — я уже делился мыслями с Грибуниным, видя в нем Иудушку. Но пьеса не выходила, а тот прием докладчика от автора, как в «Воскресении», еще не приходил в голову.

Судьбу единственного большого драматического произведения Щедрина «Смерти Пазухина» мы знали. Она не крепко держалась в Александринском театре, несмотря на замечательных исполнителей в лице Варламова и Давыдова. Тем не менее мы почти безошибочно надеялись на крупный успех у нас. Этому должны были способствовать и наша глубокая и тщательная разработка спектакля, чего до нас в других театрах не было, и — что еще важнее — наличие великолепных подходящих актеров: Москвина, Грибунина, Леонидова, Шевченко, Лужского, Бутовой, Массалитинова, Бакшеева и др.

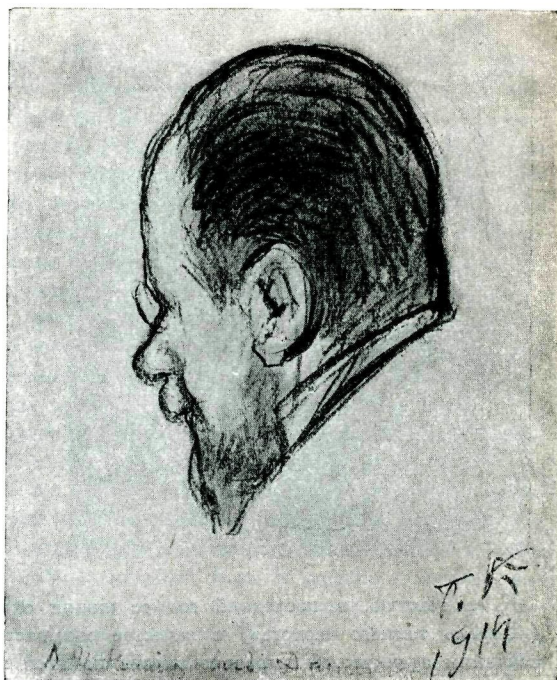
Я вошел в спектакль не сразу. Долгое время режиссерскую работу вели В. В. Лужский и И. М. Москвин. Я вступил в репетиции месяца через два. Некоторый интерес — не столько для сценической судьбы Щедрина, сколько из моих воспоминаний о Художественном Театре — представляет рассказ о работе над двумя ролями: над Фурначевым, которого играл Грибунин, и над Живоединой, исполняемой Бутовой.

Когда я вошел в работу, я уже был предупрежден, что у Грибунина роль не идет. Была заминка и с Лужским в роли Лобастова: по свойству его мягкого дарования ему нелегко было скоро найти солдафонские черты этого генерала из «сдаточных». Но наладилась и эта роль, а у Грибунина никак не выходил классический лицемер. Наконец уже перед самыми генеральными репетициями я применил для Грибунина один педагогический актерский прием. Я сказал ему, что нашел для его Фурначева тон — тон совершеннейшей искренности, как будто бы этот мерзавец и лицемер — самый благородный человек. А до сих пор наши искания красок и выразительности для образа шли от фурначевского двоедушия. Как бы в двух тонах вскрывался Фурначев — кажущейся искренности и замаскированного лицемерия. В день первой генеральной репетиции я предупредил Лужского и Москвина, сидевших за режиссерским столиком, чтобы они не записывали замечаний, относящихся к Грибунину, так как сейчас это

В. И. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО

«Сарандашный набросок В. Кустодиева, сделанный во время репетиций «Смерти Пазухина» в Художественном театре, 1914 г.

Собрание Ю. Е. Кустодиевой, Ленинград



будет для них совсем неожиданный и новый Фурначев: он будет репетировать благородного человека и только в кое-каких чисто актерски-технических акцентах можно будет уловить истинную фурначевскую сущность — в походке, в излишней слащавости.

Как известно, Грибунин создал чрезвычайно яркий и сильный образ. Это была одна из самых лучших его ролей, как и Порфирий у Москвина.

Около Бутовой — воспоминания совсем другого порядка. Бутова была ярко бытовой актрисой. Крестьянка Саратовской губернии, сна была замечательной Анисей в толстовской «Власти тьмы» и создала незабываемую фигуру Манефы в «На всякого мудреца довольно простоты» Островского. Сама по себе, внутренне, она обладала богатой, возвышенной жизнью. Все ее переживания находились в плоскости, совершенно противоположной образам, которые ей поручались для сценического воплощения. Она рвалась к образам благородным, романтическим. Но все ее внешние данные, в особенности голос и дикция, не отвечали ролям, о каких она мечтала. Это была своего рода трагедия актрисы, призвание которой резко расходилось с реальными возможностями.

Живоедиха стоила ей особенно трудных усилий. Она мучилась, создавая этот отвратительный тип, отыскивая для его воплощения такие черты, которые должны были дать художественную радость. Всегда глубоко добросовестная, она старалась подавить ненависть, которую питала к так сказать живой Живоедихе, чтоб из нее создать художественный тип, несущий радость, создать без ущерба правде, без сентиментальничания, без смягчения всей мерзости образа, без оправдывания его подсахаренной идеологией. Она делилась со мной своими терзаниями, наша дисциплина не допускала отказа от ролей. Я понимал ее и заботливо воспитывал в ней артистический образ мышления.

Кончилось тем, что она играла замечательно и в ее игре особенно остро чувствовалось колючее, беспокойное искусство Щедрина. Но можете себе представить, в каком свете вырисовалась эта работа и ее страдания над ролью, когда в день ее похорон, придя в церковь, я увидел ее гроб, окруженный целой общиной в белых одеяниях: оказалось, она уже много лет была сначала «сестрой», а потом главой религиозной общины. Была ею и в период работы над развратной Живоедихой!



Н. Г. АЛЕКСАНДРОВ

Карандашный набросок Б. Кустодиева, сделанный во время репетиций «Смерти Пазухина» в Художественном театре, 1914 г. Собрание Ю. Е. Кустодиевой, Ленинград

К ее счастью, в последний год ее жизни она работала над Рабиндранат Тагором («Король темного чертога») в качестве сорежиссера. Толкованию пьесы исполнителям, исканиям сценической выразительности по этой пьесе она посвятила более 200 бесед...

Остановлюсь на важнейшем, как мне думается, вопросе, возникающем вокруг щедринаского спектакля. Это — о самой сущности комедийного спектакля, о характере построений публики, воспринимающей комедию, о смысле русской комедии вообще. В этом отношении «Смерть Пазухина» особенно типичная пьеса.

Недавно один из наших критиков оспаривал мысль Островского, что пьеса без театра безжизненна, что, мол, чтением пьесы можно вполне заменить театр. Как это неверно! И как особенно прав Островский, когда дело касается комедии, и особенно русской комедии! Ничто так мощно и крепко не вскрывает глубоко заложенную в пьесе правду, как театральный смех. Самый опытный режиссер, самый опытный комедийный актер не может при чтении пьесы точно наметить, где публика будет смеяться. Актеры только на публике начинают нащупывать места, возбуждающие смех. И очень часто это бывает ошеломляюще неожиданно. И что самое важное — эта неожиданность вдруг вскрывает истинное правильное отношение к положениям пьесы и к ее образам. В этом еще далеко не исследованное свойство природы театра.

В «Смерти Пазухина»: там за дверью лежит покойник, Живоедиха только что голосила над трупом, здесь взрослые сильные люди в сильных страстных сценах рвут друг друга на части, а в зрительном зале не ужас, не сочувствие и не гнев, а неудержимый, непрекращающийся хохот. И чем искреннее, чем ярче идет на сцене борьба не на жизнь, а на смерть, чем меньше актеры «играют» эти хищнические страсти из-за капиталов, тем раскатистее хохот зрителя, тем громче звенит моральная правда.

Уже после революции мы возобновляли «Смерть Пазухина». Пришел зритель еще более непосредственный, чем прежде. Во время четвертого действия одна старая интеллигентская семья в ложе громко возмущалась поведением публики, которая своим смехом якобы профанирует драматичность происходящих событий. И долго пришлось убеждать, что это только здоровая и нужная реакция.

«Смерть Пазухина» был очень полнокровный спектакль, здесь меньше чем где-нибудь звучали «чеховские полутона», в плену у которых труппа была долгое время. В Художественном театре постоянно думают о возобновлении комедии Щедрина. Но не так-то легко заменить выбывших исполнителей...

Вл. И. Немирович-Данченко

«ЦАРСТВО СМЕРТИ» САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

Комедию «Царство смерти» («Смерть Пазухина») Салтыков-Щедрин считал слабым произведением и не включал ее ни в один из сборников своих произведений. В такой оценке сказалась большая строгость Щедрина, с какой он обычно подходил к своим произведениям. Это очень хорошее качество: писатель чувствовал высокую ответственность перед читателем и строго подходил к своему мастерству. Но нам кажется, что сатирик в данном случае был слишком строг и ошибочно выключал комедию из круга своих ранних произведений. Она во многих отношениях представляет для нас большой интерес, особенно ее первоначальная редакция, которая безусловно должна быть сообщена нашим читателям.

Первоначальная редакция комедии проливает яркий свет на творческие замыслы сатирика в период его работы над «Губернскими очерками», когда уже, по меткому замечанию Добролюбова, молодой Щедрин вел «свою благородную борьбу» с общественным строем, «не обнаруживая ни малейшего истощения сил».

В критической литературе неоднократно поднимались вопросы о характере творчества Салтыкова-Щедрина до освободительной реформы 1861 г. и каждый раз высказывались весьма противоречивые точки зрения. Противоречивые суждения возникали законно, так как молодой Щедрин сам по себе был загадочной фигурой выходец из родовитой дворянской семьи, занимающий высокий служебный пост — с одной стороны, участие в кружке Петрашевского, цензурные кары и административная высылка — с другой стороны. С недоверием к нему первое время относилась и старая редакция «Современника», когда там имел большое влияние Тургенев. Этому недоверию немало способствовали неблагоприятные слухи о нравственных качествах писателя. Пищей для этих слухов служили главным образом факты из служебной деятельности Салтыкова в период вятской ссылки в качестве следователя по делам о расколе. Во враждебных Салтыкову литературных кругах распространялись по этому поводу часто неверные или преувеличенные сведения и высказывалась мысль, что многие страницы «Губернских очерков» представляют не что иное, как слегка замаскированные описания собственных «служебных деяний» писателя.

В письме к Анненкову в 1860 г. по выходе из печати «Губернских очерков» Салтыков писал по этому поводу следующее: «Ныне я узнаю, будто г. Тур-



И. М. МОСКВИН

Карандашный набросок Б. Кустодиева, сделанный во время репетиций «Смерти Пазухина» в Художественном театре, 1914 г.

Собрание Ю. Е. Кустодиевой, Ленинград

гнев имеет какое-то предубеждение против нравственных моих качеств. Известие это крайне меня удивило. Уж не думает ли он, что я в «Очерках» описываю собственные мои похождения?... Прошу вас передать, что он напрасно так думает, что у меня еще довольно есть в душе стыдливости, чтобы не выставлять на позор свои собственные г.... и что он напрасно смешивает меня с Павлом Ивановичем Чичи-Мельниковым. Обзирая свое прошлое, я, положа руку на сердце, говорю, что на моей совести нет ни единой пакости: нет даже гнусного кажения флигель-адъютанству, самого гнусного из всех гнусных кажений».

«Губернские очерки» и комедия «Царство смерти» дают достаточный материал для суждения о взглядах Салтыкова-Щедрина в этот «крутогорский» период. Они достаточно убедительно подтверждают его слова, сказанные в письме, что он не кадил перед флигель-адъютантами, не гнул спину перед царскими сатрапами, а наоборот: и в этот период, когда еще только складывалось мировоззрение писателя, подвергал жестокой критике существовавший тогда царский крепостной строй.

У Салтыкова-Щедрина был первоначально замысел написать четвертый том «Губернских очерков», продолжив портретную галерею ««крутогорских» героев. С этой целью он в течение 1857—1859 гг. написал ряд произведений, тесно примыкающих по своему стилю к «Губернским очеркам». В них даже были некоторые общие действующие лица (Разбитной, Живновский). Предназначалась в четвертый том и комедия «Царство смерти». Об это свидетельствует и заглавие комедии в черновой редакции. Щедрин ее сперва назвал: «Губернские очерки. Царство смерти. Комедия в 4-х действиях». Однако Щедрин потом отказался от этого замысла и выпустил комедию под названием «Смерть Пазухина» в октябре 1857 г. в «Русском Вестнике», значительно, переделав 1-й акт, значительно сократив конец 3-го акта и сделав некоторую перестановку сцен, материала и действующих лиц, везде заменив фамилию Размахнина фамилией Пазухина (см. комментарий). «Царство смерти» является безусловно ценным произведением. В нем уже выявилась сила и оригинальность таланта Салтыкова-Щедрина, его глубокое понимание общественного процесса и умение схватывать из всего хаоса впечатлений общезначимое, типичное, отбрасывая узко личное и малозначущее. Некоторые критики указывали на большую зависимость комедии Щедрина от комедии Островского, на подражание ему во всем: и в типах, и в быте, и в языке. Но это суждение крайне однобоко и не отвечает действительному положению вещей. Между Щедриным и Островским только внешнее сходство. Молодой Щедрин с большим уважением относился к Островскому, учился у него литературному мастерству. В комедии «Царство смерти» видны следы влияния Островского, но Щедрин здесь, как и всегда, остался самим собою. Прежде всего необходимо отметить самое главное отличие Щедрина от Островского. Оно состоит в том, что Островский в основном мастерски давал бытовые комедии, уходя в сторону от жгучих политических проблем, тогда как Щедрин давал острую сатиру, подвергая резкой критике общественный уклад, политический строй, обрисовывая яркими красками борьбу классов. При этом быт у него отходит на второй план и служит как бы фоном, на котором рельефно выделяются его ташкентцы, помпадурсы и помпадурши, герои Крутогорска, и все «эпидемии». Щедрин уже в «Царстве смерти» создавал картины, имеющие большое социально-воспитательное значение, и ставил целью разбудить в читателе чувство ненависти к старому укладу жизни и воспитать в нем ненависть к рабству и рабскому строю.

«Царство смерти» является символическим произведением, обрисовывающим смерть класса эксплуататоров, — тех людей, которые, по словам Щедрина, стали «вследствие известных причин в разлад с общим строем воззрений и убеждений».

В центре комедии дана семья Размахнина (Пазухина) — изображен старик Иван Прокофийч, занимавшийся подрядами и откупам и имевший бумажную фабрику и капитал до 2-х миллионов рублей, его сын Прокофий Иванович — тоже торговец, и внук Гаврило Прокофийч, служивший при губернаторе. В образе Размахниных таким образом представлено три поколения промышленной купеческой семьи. Сатирик пока-



«СМЕРТЬ ПАЗУХИНА» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕАТРЕ

В. Ф. Грибунин в роли Фурначева

Акварельный рисунок В. Кустодиева, 1914 г.

Музей МХАТ им. М. Горького, Москва

зал в комедии, как развивался род Размахниных, и замечательно вскрыл те тенденции в их развитии, которые приводили этот род в тупик, к вырождению.

Старик Иван Прокофьич Размахнин нажил огромное состояние путем обманов, мошенничества и жестокой эксплуатации. Это яркий образ первоначального накопителя. Путь первоначального капиталистического накопления в комедии хорошо обрисован словами Баева — пестуна старого Размахнина:

«Такие, сударыня, были времена, что даже заверить трудно. Ивана-то Прокофьича папынька волостным писарем был, так нынче, кажется, и цари-то так не живут, как он жил. Бывало по неделе и по две звериного образа не покинет, целые сутки пьян под лавкой лежит. Тутотка они и капиталу своему первоначало сделали, потому как и власть-то у них все одно как крепостные люди были... А Иван-то Прокофьич подрос, так позже куда ворист паренек был; ну папынька-то ихний, видимши их такую анбицию к деньгам, что как они без сумленья готовы и живого и мертвого оборвать, и благословили их по питайной части итти. Ну, и пошли... А теперь они сырым вдовицам благодетельствуют, божьи храмы сооружают... Что-ж, это хорошо. Перед владыку небесного с хорошими делами предстать веселее будет» (действие I, сцена I).

Злой сатирой Щедрин описывает старика Размахнина его же словами:

«Вот какие времена пришли. Правду говорят, что нет человеку врага больше, как свои же кровные. И чем я согрешил перед вами? Тем разве, что по копеечке целую жизнь собирал, не щадя ни живого, ни мертвого... Господи! Каково-то будет мне перед престол твой предстать? Там ведь все эти обиженные, да пущенные по миру и н отдыха-то чай не дадут» (действие III, сцена IX).

Так Размахнин нажил капитал, бумажную фабрику. Он уже не хочет ничего общего иметь с классом бедных людей, ему претит мужицкая сермяга и он добивается с помощью подачек и подкупов получить звание надворного советника.

Внук его Гаврило Прокофьич тоже считал это главным в жизни Размахниных. «Ведь это и нынче почти дворянин, а прежде-то и весь дворянин был», говорил он деду, а Иван Прокофьич отвечал:

«Господи! хоть бы умереть-то надворным советником дали» (I действие, сцена IX).

И тут же перечислял, как дорого стоит получение звания надворного советника — ведь он сто тысяч ассигнациями дал «княжому предместнику» на благоустройство сада, давал потом еще сто тысяч ассигнациями на постройку плывучего моста через реку, «задавал» пир, а потом опять жертвовал, а надворного советника все не получал. Отставной подпоручик Живновский, всегда являвшийся в дом Размахнина выпить и покушать («оболъет, объест», говорил Размахнин), утешал Размахнина: «Ведь с казны же потом, благодетель, возьмете, или вот в вино засервейну маленькую толику пустите, а н сто-то рублей тут и найдутся...» (действие I, сцена IX).

Размахнин и без того знал эти пути наживы, ими всегда пользовался, но здесь сатирик к месту это подчеркивает и разоблачает.

Сын Размахнина Прокофий Иванович занимался торговлей, наживался обманом.

«Какие наши торги-с! Конечно, по милости вашей насущный хлеб иметь можем-с... платочков да ситчиков рублика на три в день продашь, будет целковичек на пропитание», говорил он отцу.

На каждые три рубля Размахнин получал себе рубль. Так шла нажива! Прокофий Иванович не принимает новую культуру, имеет мужицкие привычки, не общается с высшим кругом. С отцом и со всеми родственниками он живет в ссоре, с нетерпением ждет смерти отца, чтобы долуичить имущество и зажить по-своему.

Внук старика Размахнина и сын Прокофия Ивановича Гаврило Прокофьич служит у губернатора, воспринимает внешний лоск дворянской культуры, сторонится своего отца-мужика и его мужицкой сермяги. «С моим чувством, с моим образованием подобного положения вещей перенести нельзя», говорит он. Он тоже ждет смерти деда, чтобы получить в свои руки капиталы, жениться на дворянке и продвигаться на

службе к высоким чинам. Пока же он не способен ни на что серьезное и по службе играет ничтожную роль.

Размахнин много лет болел и постепенно превратился в развалину. Умирая, он не оставляет завещания о своих капиталах. Этим самым как бы подчеркивается, что он не видел достойного себе преемника.

В комедии ярко изображены чиновники и вообще служилые люди. Они свою жизнь строят на мошенничестве, взятках и обманах. Вот например генерал Лобастов говорит о себе:



СЦЕНА ИЗ «СМЕРТИ ПАЗУХИНА» В ПОСТАНОВКЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕАТРА
ВО ВРЕМЯ ЕГО ГАСТРОЛЕЙ В АМЕРИКЕ

Рисунок, помещенный в американской газете «Tribune» 17 февраля 1924 г. Изображены: М. М. Тарханов — Живновский, И. М. Москвин — Прокофий Пазухин, В. Ф. Грибунин — Фурначев, В. В. Лужский — Лобастов, П. А. Бакшеев — Баев

«У меня ведь тоже сотняжка тысяч за Леночкой найдется. Как же! Недаром век жила. Батальоном, сударь, двадцать лет командовал, да каким еще: гарнизонным-с!» (действие I, сцена VII).

Как замечательно показан один из военных бюрократов царского времени, сумевший нажить сто тысяч на одном батальоне! Можно себе представить, как обкрадывалась казна, как обкрадывались солдаты и какое было вымогательство среди подчиненных.

Все бюрократы льнут к Размахнину, к его двухмиллионному капиталу. Вся чиновничья орава непрочь вести знакомство с ним, а генерал Лобастов даже мечтает отдать свою «переросшую» дочь за внука Размахнина Гаврилу Прокофьевича, когда тот получит себе наследство после смерти деда. Чиновничий мир служит интересам Размахнина, он его легко подкупает. Генералу Лобастову он так говорит о чиновнике Федудове: «Хороший человек. Я, сударь, с ним дело имел по поставкам, так именно беспокойства никакого не знал. Что следует отдашь, а уж там зажмуря глаза принимают».

Фурначев — зять Размахнина — тоже стремится получить наследство после смерти тещи. Как только умер Размахнин, он пробрался в дом, поддельным ключом отпер сундук с деньгами и забрал все ценности, но в это время явился Прокофий Иванович и отнял все награбленное.

Фурначев получил статского советника и мечтал с получением наследства махнуть в Петербург, пуститься в откупа и стать видным лицом.

«Вот намердись Василий Иванович из Петербурга пишет,— говорил он,— что у них на днях чуть-чуть откупщика министром не сделали... что-ж, это правильно: потому что откупщик—он всю эту подноготную как «помилуй мя боже» заучил» (действие II, сцена VI).

Майор Понжперховский интерес видел только в деньгах. Он говорил: «Люблю пожуировать. Деньги—это, я вам доложу, для меня презренный металл, которого чем больше, тем лучше — вот моя философия» (действие I, сцена II).

Картина получается удручающая. Вся жизнь героев комедии построена на том, чтобы откуда-то получить капиталы, кого-то обмануть, обворовать, все они, не работая, желают иметь высокие чины и жить легкой жизнью. Щедрин в комедии добился яркого изобличения того класса общества, который тянул «с живого и мертвого».

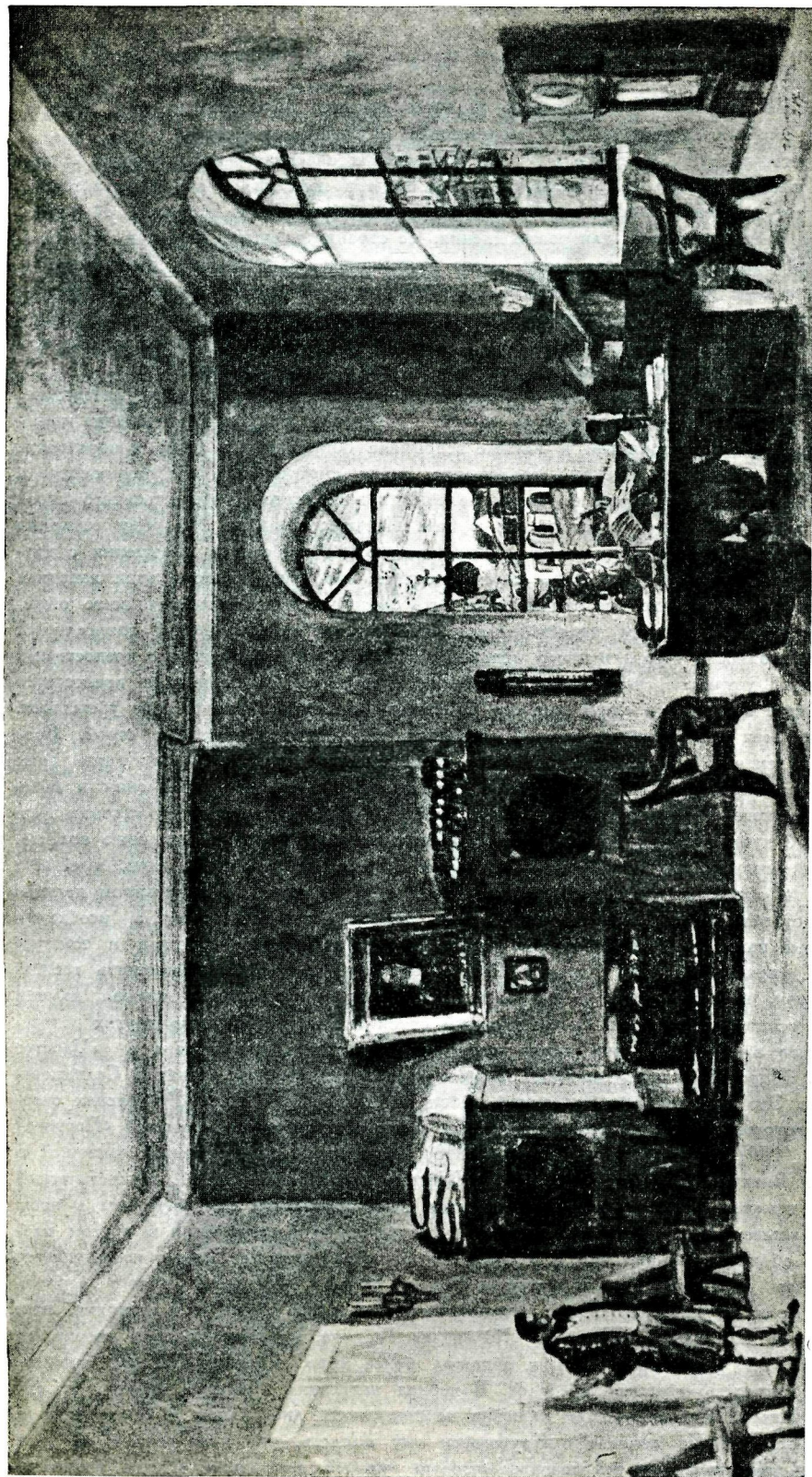
В комедии «Царство смерти» не показано физическое умирание всего рода Размахнина — умирает только старик Иван Прокофич, но все герои, вся их деятельность уже говорит об обреченности этого рода. Эту тему Щедрин замечательно потом разработал в прекраснейшем произведении «Господа Головлевы». Тема эта сама по себе весьма замечательна и ею занимались многие наши писатели. В наше время достаточно ярко и убедительно она разрешена пролетарским писателем М. Горьким в его романе «Дело Артамоновых».

Мысль о гибели старого мира и о приходе нового сильно занимала молодого Щедрина, и он написал на эту тему целый ряд художественных произведений. К концу работы над «Губернскими очерками» у него даже возникла мысль написать «Книгу об умирающих», где он хотел показать, как духовно и физически умирают герои эпохи николаевского режима и крепостного права. Начал он ее отрывком «Смерть Живновского» — одного из действующих «героев» «Губернских очерков» и «Царства смерти». Таким образом становится совершенно понятным, что комедия «Царство смерти» являлась переходным произведением к циклу об умирающих классах и что само название — «Царство смерти» — было символическим. Еще в конце «Губернских очерков» Щедрин дал замечательный набросок «Дорога», в котором недвусмысленно высказывалось суждение о старом крепостном мире как об обреченном, подлежащем умиранию. В «Дороге» изображается отъезд автора из Крутогорска. При выезде из города ему последний раз все герои Крутогорска встретились с какой-то похоронной процессией. На вопрос автора: «Кого же хоронят?» послышался ответ Буеракина: «Прошлые времена хоронят». Специальной «Книги об умирающих» Щедрин не напечатал, а написанные очерки включил в цикл «Невинные рассказы» и «Сатиры в прозе».

«Царство смерти» написано с большим умением и глубоким знанием промышленно-купеческой среды. От взора сатирика не ускользнули и тонкости быта крутогорских героев, зарисованные весьма выразительно.

Размахнин — это раннее поколение Деруновых, Колупаевых и Разуваевых, которых сатирик так замечательно изобразил в более поздних своих произведениях, когда капитализм в России уже сильно развился и стал ломать общественную жизнь. Размахнин — менее яркий тип, чем «пореформенные» Деруновы и Разуваевы: для его «операций» не было еще особенно широкого простора в крепостном строе. Однако заслуга Щедрина состоит в том, что он разглядел этот тип еще в дореформенных условиях и показал его в литературе.

Н. Г. Чернышевский по поводу «Губернских очерков» написал восторженную статью. «Эта благородная и превосходная книга,— писал он,— принадлежит к числу исторических фактов русской жизни. «Губернскими очерками» гордится и долго будет гордиться наша литература. В каждом порядочном человеке русской земли Щедрин имеет глубокого почитателя. Честно имя его между лучшими и полезнейшими и даро-



«СМЕРТЬ ПАЗУХИНА» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕАТРЕ

Основная декорация 2-го акта

Акварельный рисунок Б. Кустодиева, 1914 г.
Театральный музей им. Бахрушина, Москва

витейшими детьми нашей родины. Он найдет себе много панегиристов, и всех панегириков достоин он».

Этот отзыв великого Чернышевского целиком должен быть отнесен и к комедии «Царство смерти», задуманной как продолжение «Губернских очерков».

В «Царстве смерти», «как и в его всех «Губернских очерках»,—много правды «очень живой и очень важной» (Чернышевский). Все типы в комедии не надуманы автором, а взяты из действительности, поэтому комедия дает богатейший материал об эпохе, она много дает материала для размышления, ее страницы очень жгучи и являются укором той старой России, где имели место Размахины, Фурначевы, Живновские и Живодеды. Еще Чернышевский отмечал, что ни у кого из предшествовавших Щедрину писателей не рисовались картины быта такими мрачными красками и никто общественных пороков не карал словом более горьким и не выставлял общественных язв с большею беспощадностью, чем это делал Щедрин в своих произведениях.

«Царство смерти» должно быть отнесено к обличительной сатирической литературе. Щедрин продолжал лучшие традиции сатиры Грибоедова и Гоголя, но каждая написанная им строка настойчивей и глубже вскрывала общественные язвы и порочность всего крепостного строя. Щедрин совершенно иначе смотрел на мир, чем смотрели дворянские писатели, которые боролись не против всей системы общественного строя вообще, а с отдельными недостатками в нем. Предшествовавшие Щедрину сатирики нападали часто на необразованность, взяточничество, на грубость в обращении с низшими людьми, на прислужничество перед высшими. Но очень редко в этих нападках проглядывала мысль, что все эти явления есть следствие ненормальности всего общественного строя. Сатирикам представлялось, что все зло взяточничества зависело от личной склонности того или иного чиновника, что грубость обращения с крепостными легко можно устранить, исправивши поведение помещика и не уничтожая крепостного права. Иначе подходил к этому вопросу Салтыков-Щедрин: он все больше убеждался, что виною всех общественных пороков является мертвящий крепостной строй. Боев («Царство смерти») прямо указывает, что были такие времена, что и вспомнить даже трудно, как чиновники получали в полное распоряжение участки управления и обворовывал живого и мертвого. Он очень хорошо рассказал, как отец старика Размахина, будучи писарем, мошенничеством нажил капиталы, обворовывая свою волюсть.

«Россия—государство обширное, обильное и богатое, да человек-то глуп, мрет себе с голоду в обширном государстве». Это сказал Щедрин еще в «Запутанном деле» и там же он показывал, что не всегда нужно покорно склонять голову, а необходим «некоторый напор» и даже «наскок». Сила Салтыкова-Щедрина состояла в том, что он видел нарастание новой силы в России, которая должна была заменить господство дворян, и верил в демократическую крестьянскую революцию, которая должна была до основания потрясти самодержавный строй в России. Писатель других воззрений не мог в то время дать такой потрясающей картины, какая дана в «Царстве смерти». «Царство смерти» занимает важное звено в творческом развитии Салтыкова-Щедрина. Это произведение завершает собою обличительный цикл «Губернских очерков», к которым сатирик пришел от первых своих романтических повестей «Противоречение» (1847) и «Запутанное дело» (1848), за которые он поплатился высылкой в Пермь и Вятку. «Губернскими очерками» Щедрин начал свой ранний реалистический путь, и комедия «Царство смерти» является заключительным произведением в этом плане. Дальше Щедрин уже создавал свои сатирические произведения в другом плане, не в обличительно-бытовом, а в плане политической сатиры. Гранью последующего творческого развития была превосходнейшая сатира «История одного города» (1870). Если до освободительной реформы кое-что неясно было для сатирика, если его сбивали либеральные голоса из «Колокола» Герцена, ждавшего реформ сверху, то обманый акт 19 февраля 1861 г. обнажил более ярко гнилость русского самодержавия и подлость русских либералов. В период написания «Царства смерти» у Салтыкова-Щедрина еще не прошли иллюзии проповедывать либерализм в самом капилле антилиберализма. По приезде в Крутогорск ему казалось, что и он должен на деле принести хоть частичку той пользы, которую каждый гражданин обязан положить

на алтарь отечества («Имярек»). Об этом шутивым языком сатирик говорил, что «теория эта в шутиливом русском тоне так и называлась теорией вождения влиятельного человека за нос или учтивее: теорией приведения влиятельного человека на правый путь». Суровая жизнь обернулась к молодому Щедрину всей своей страшно неприглядной стороной, и юношеский угар быстро соскользнул. «Понятие о зле сузилось до понятия о лихоимстве,— писал он,— понятие о лжи — до понятия о подлоге, понятие о нравственном безобразии — до понятия о беспробудном пьянстве, в котором погрязло местное чиновничество. Вместо служения идеалам добра, истины, любви и проч.—предстал идеал служения долгу, буква закона—принятым обязательствам» («Имярек», т. II, стр. 604).

Иллюзии либерализма Салтыков-Щедрин изживал в тот период, когда работал над «Губернскими очерками» и над «Царством смерти». Таким образом при исследовании творчества Салтыкова-Щедрина комедия «Царство смерти» является очень важным документом, мимо которого проходить нельзя.

Наряду с «Губернскими очерками» «Царство смерти» — документ первого, самого раннего этапа творчества, и он дополнительным материалом обрисовывает нам лицо Салтыкова-Щедрина как писателя, рано выступившего на борьбу с крепостным строем и видевшего, что Россия пойдет в своем развитии по пути капитализма. Щедрин ненавидит капитализм, ему противен Размахнин и весь его род, но он признает, что объективный ход развития России порождает этот тип людей. В этом признании Щедрин поднимался на огромную высоту теоретической мысли и был впереди многих народнических публицистов и писателей.

Комедия «Царство смерти» вскрывает нам еще одну особенность творческой деятельности великого сатирика, о которой обычно критики и исследователи забывают, — это драматургическую.

Драматургия Салтыкова-Щедрина крайне своеобразна. Это не драматургия Островского или Сухова-Кобылина, писавших специально драматические произведения для театра. Нет, драма никогда не была специальностью и профессией Салтыкова-Щедрина и она у него выполняла служебную роль в повестях и очерках. Это конечно не означает, что сатирик игнорировал или недооценивал драматическую форму, нет, он ее считал очень действенной формой и прибегал к ней в те моменты, когда хотел дать в сатирах более яркий диалог или более динамичный образ. Вот почему Щедрин драматическую форму вводил в повести и очерки. Имеется например три небольших драматических этюда в «Губернских очерках» — это «Просители», «Выгодная женитьба», «Что такое коммерция»; в очерках «За рубежом» есть «разговор в одном явлении» под названием «Мальчик в штанах и мальчик без штанов» и прерванная сцена «Торжествующая свинья или разговор свиньи с правдою», в «Невинных рассказах» имеется «драматический очерк» «Утро Хрептугина», в «Современной идиллии» есть «представление в двух картинах» — «Злополучный пискарь или драма в Кишинском окружном суде». Самостоятельными драматическими произведениями, появившимися в печати, были: комедия «Смерть Пазухина» («Царство смерти»), «Тени» и небольшой диалог «Стрижи», направленный против либерального журнала Достоевского. Но «Смерть Пазухина», как уже отмечено выше, предназначалась в качестве продолжения «Губернских очерков».

Из этого перечня, далеко неполного, видно, как часто Щедрин прибегал к драматической форме, делая ее органической частью своей сатиры. Эта манера письма сама по себе очень оригинальна, и в русской литературе до Щедрина к ней писатели не обращались. У Салтыкова-Щедрина она оживляет его рассказы и повести, придает им более сильную выразительность и непосредственность. Когда повествовательная ткань, например в «Губернских очерках», вдруг прерывается драматическими этюдами, читатель чувствует новую волну напряжения и получает новую эмоциональную зарядку.

Салтыков-Щедрин — большой мастер диалога, а в драматических этюдах он у него доведен до изумительного блеска.

ЦАРСТВО СМЕРТИ

Комедия в 4-х действиях

ДЕЙСТВИЕ I

Действующие лица

Иван Прокофьевич Размахнин, 75 лет, негоциант, занимающийся подрядами и откупами.

Прокофий Иванович, сын его, 55 лет.

Гаврило Прокофьевич, 25 лет, внук его.

Статский советник Семен Семенович Фурначев, зять его, 55 лет.
[Николай Павлович Калужанинов, 30 лет, служащий поручик, другой зять его.]

Отставной генерал Андрей Николаич Лобастов, 60 л., друг старого Размахнина, происхождением из сдаточных.

Майор Станислав Фаддеевич Понжерховский, 40 лет.

Иван Петрович Доброзраков, отставной штаб-лекарь, 55 лет.

Леонид Сергеевич Разбитной, чиновник особых поручений при губернаторе, молодой человек.

Отставной подпоручик Живновский, 50 лет.

Анна Петровна Живоедова, 40 лет, сирота, из благородных, живущая в доме Размахнина в качестве экономки.

Финагей Прохоров Баев, пестун старого Размахнина, старик, не помнящий своих лет.

Лакеи и служанка.

Действие происходит в губернском городе Крутогорске.

СЦЕНА I

Театр представляет довольно обширную гостиную в доме старого Размахнина. В середине комнаты и направо от зрителя двери; налево два окна. В глубине сцены по обеим сторонам дверей диваны со стоящими перед ними круглыми столами; между окон большое зеркало, по стенам и по бокам диванов расставлены кресла и стулья¹; вообще убранство комнат свидетельствует, что хозяин дома человек богатый; [на столах и на стене много бронзы]. Утро. При открытии занавеса, на стенных часах бьет девять.

Анна Петровна Живоедова (Сидит на кресле у окна, ближайшего к глубине сцены. Одета в распашной капот, довольно дряхлый, но набелена и нарумянена. Живоедова роста видного и корпусом плотная. Через несколько времени входит из средней двери Баев, старик, поросший мохом и согнутый. Одет в синий кафтан, в руках держит² березовый сук, на который и опирается).

Анна Петровна. Вот и живи с ним таким манером! Жили-жили, грешили-грешили: с пятнадцати поди лет в грехе!.. Еще при покойнице Лукерье Гавриловне околесицу-то эту завели... [уж пряжку выслужили рассказывает Андрей Николаич]... Теперича вот того гляди помрет, а духовной всё нет как нет... [Куда тебе!] Я, говорит, еще годков с пять проживу, да намерднись еще что выдумал: поди, говорит, Аннушка, сюда: я хоть погляжу... Ах! тяготы-то наши только никому неизвестны!.. (Задумывается). А вот Андрей Николаич еще говорит, что меня бог милостиво сыскал! Разумеется, кабы духовная — слова нет: хорошо кабы духовная... А то, пожалуй, и ни с чем пойдешь — только слава, что дворянского рода! — да и то, что своим-то трудом нажила, и то, пожалуй,

4 signed Original.
 Charles Thompson.

Remains to be questioned.

Staph. bifasciatus n. sp.

Министр Присоединенный Казанский,
Генерал-Губернатор Казанской губернии.
Присоединенный Казанский, Губернатор, Губернатор.

А. Костомаров, Кавказ, Кавказ
Кавказ, Кавказ, Кавказ,
другой Кавказ

~~Handwritten text, possibly a signature or name, crossed out with a large 'X'.~~
~~Handwritten text, possibly a signature or name, crossed out with a large 'X'.~~
~~Handwritten text, possibly a signature or name, crossed out with a large 'X'.~~

[illegible]

слова: "Всё, что я пишу, это правда", и: "Самое
важное, что я пишу, это правда".
Всё, что я пишу, это правда. Всё, что я пишу, это правда.
10/10/1997

~~Handwritten text, mostly illegible due to fading and bleed-through.~~

H. C. ...

[illegible]

[Faint handwritten notes at the bottom of the page]

[illegible]

пока въспомогательна, по сущности конечна
(по количеству времени)
направлена на получение выгоды. По сущности
она не имеет ничего общего с наукой.

[Faint handwritten notes, possibly bleed-through from the reverse side.]

The contents of reference have been
received by me from the Secretary of the
Board of Education. I am very glad to hear
that they are so well received.

[Faint handwritten notes at the bottom of the page]

From the post box. Found a letter to me from
the post box. I found a letter to me from the post box.

1844
 1845
 1846
 1847
 1848
 1849
 1850
 1851
 1852
 1853
 1854
 1855
 1856
 1857
 1858
 1859
 1860
 1861
 1862
 1863
 1864
 1865
 1866
 1867
 1868
 1869
 1870
 1871
 1872
 1873
 1874
 1875
 1876
 1877
 1878
 1879
 1880
 1881
 1882
 1883
 1884
 1885
 1886
 1887
 1888
 1889
 1890
 1891
 1892
 1893
 1894
 1895
 1896
 1897
 1898
 1899
 1900
 1901
 1902
 1903
 1904
 1905
 1906
 1907
 1908
 1909
 1910
 1911
 1912
 1913
 1914
 1915
 1916
 1917
 1918
 1919
 1920
 1921
 1922
 1923
 1924
 1925
 1926
 1927
 1928
 1929
 1930
 1931
 1932
 1933
 1934
 1935
 1936
 1937
 1938
 1939
 1940
 1941
 1942
 1943
 1944
 1945
 1946
 1947
 1948
 1949
 1950
 1951
 1952
 1953
 1954
 1955
 1956
 1957
 1958
 1959
 1960
 1961
 1962
 1963
 1964
 1965
 1966
 1967
 1968
 1969
 1970
 1971
 1972
 1973
 1974
 1975
 1976
 1977
 1978
 1979
 1980
 1981
 1982
 1983
 1984
 1985
 1986
 1987
 1988
 1989
 1990
 1991
 1992
 1993
 1994
 1995
 1996
 1997
 1998
 1999
 2000
 2001
 2002
 2003
 2004
 2005
 2006
 2007
 2008
 2009
 2010
 2011
 2012
 2013
 2014
 2015
 2016
 2017
 2018
 2019
 2020
 2021
 2022
 2023
 2024
 2025
 2026
 2027
 2028
 2029
 2030
 2031
 2032
 2033
 2034
 2035
 2036
 2037
 2038
 2039
 2040
 2041
 2042
 2043
 2044
 2045
 2046
 2047
 2048
 2049
 2050
 2051
 2052
 2053
 2054
 2055
 2056
 2057
 2058
 2059
 2060
 2061
 2062
 2063
 2064
 2065
 2066
 2067
 2068
 2069
 2070
 2071
 2072
 2073
 2074
 2075
 2076
 2077
 2078
 2079
 2080
 2081
 2082
 2083
 2084
 2085
 2086
 2087
 2088
 2089
 2090
 2091
 2092
 2093
 2094
 2095
 2096
 2097
 2098
 2099
 2100
 2101
 2102
 2103
 2104
 2105
 2106
 2107
 2108
 2109
 2110
 2111
 2112
 2113
 2114
 2115
 2116
 2117
 2118
 2119
 2120
 2121
 2122
 2123
 2124
 2125
 2126
 2127
 2128
 2129
 2130
 2131
 2132
 2133
 2134
 2135
 2136
 2137
 2138
 2139
 2140
 2141
 2142
 2143
 2144
 2145
 2146
 2147
 2148
 2149
 2150
 2151
 2152
 2153
 2154
 2155
 2156
 2157
 2158
 2159
 2160
 2161
 2162
 2163
 2164
 2165
 2166
 2167
 2168
 2169
 2170
 2171
 2172
 2173
 2174
 2175
 2176
 2177
 2178
 2179
 2180
 2181
 2182
 2183
 2184
 2185
 2186
 2187
 2188
 2189
 2190
 2191
 2192
 2193
 2194
 2195
 2196
 2197
 2198
 2199
 2200
 2201
 2202
 2203
 2204
 2205
 2206
 2207
 2208
 2209
 2210
 2211
 2212
 2213
 2214
 2215
 2216
 2217
 2218
 2219
 2220
 2221
 2222
 2223
 2224
 2225
 2226
 2227
 2228
 2229
 2230
 2231
 2232
 2233
 2234
 2235
 2236
 2237
 2238
 2239
 2240
 2241
 2242
 2243
 2244
 2245
 2246
 2247
 2248
 2249
 2250
 2251
 2252
 2253
 2254
 2255
 2256
 2257
 2258
 2259
 2260
 2261
 2262
 2263
 2264
 2265
 2266
 2267
 2268
 2269
 2270
 2271
 2272
 2273
 2274
 2275
 2276
 2277
 2278
 2279
 2280
 2281
 2282
 2283
 2284
 2285
 2286
 2287
 2288
 2289
 2290
 2291
 2292
 2293
 2294
 2295
 2296
 2297
 2298

[illegible]

Огнѣхъ и вѣтрѣхъ
 и вѣтрѣхъ и вѣтрѣхъ
 и вѣтрѣхъ и вѣтрѣхъ
 и вѣтрѣхъ и вѣтрѣхъ

Масло сливочное, 40. руб.

Ubi autem Messeturae transieris, omnia
quae in campo desuper, SS. vides.

Въспомогательный текст, касающийся
всехъ въспомогательныхъ, въспомогательныхъ
для въспомогательныхъ.

2. Stenocercus wallacensis Herpess.
not found.

Antonius Episcopus Patrum, et
 eius discipuli, et filii, et
 discipuli eius.

Il presente è un pezzo di carta da parati.

судебнаго, государственнаго и церковнаго суда,
на уряды и на станы поименованных.

• *Церковь покровительствует добродетели
и наказывает пороки*

7. Слѣдуетъ разсчитать на основаніи
добавочно полученныхъ свѣдѣній,

1840
 1841
 1842
 1843
 1844
 1845
 1846
 1847
 1848
 1849
 1850
 1851
 1852
 1853
 1854
 1855
 1856
 1857
 1858
 1859
 1860
 1861
 1862
 1863
 1864
 1865
 1866
 1867
 1868
 1869
 1870
 1871
 1872
 1873
 1874
 1875
 1876
 1877
 1878
 1879
 1880
 1881
 1882
 1883
 1884
 1885
 1886
 1887
 1888
 1889
 1890
 1891
 1892
 1893
 1894
 1895
 1896
 1897
 1898
 1899
 1900

Входаръ Ковче сома руско, по руски
мисли и со руски. Сутека Дина

Large sheet, of irregular dimensions
containing a few lines of text, and a large
drawing of a ship, with a mast and sails.

отнимут... Да и что нажила-то я опять? Конечно, кабы не Станислав Фаддеевич... (*Задумывается вновь и мурлыкает под нос песенку. Тяжело вздыхая.*) Да, была бы я теперь с денежками! (*Входит Баев.*)

Баев (*останавливается у дверей; сильным голосом*). Здравствуй, [здравствуй] матушка Анна Петровна, каков наш соколик-то? (*Ищет глазами чего-то.*)

Живоедова. Да чего уж соколик! того гляди, что ноги протянет... Да ты бы сел что ли, Прохорыч, вон на стул-то³.

Баев. Нет, матушка, на стуле нам сидеть не пригоже... Вот кабы скамеечку...

Живоедова (*кричит*). Мавра! подай из девичьей скамейку. (*К Баеву.*) Ну, ты как, старина?!

Баев. А мне чего делается! я еще старик здоровенный... живу, сударыня, живу. Только уж словно и надоело жить-то! (*Появляется горничная девушка с небольшой скамейкой, которую и ставит около боковых дверей. Баев садится.*) Так даже, что на свет смотреть тошно; нонче же порядки другие завелись, словно и свет-то другой стал.] Я уж в мальчишках был, как Иван-то Прокофийч родился... дда! (*Кашляет.*)

Живоедова. Водочки что ли поднести, Прохорыч?

Баев. Не действует, сударыня, не действует... Такая уж, видно, напасть пришла: ни пойма, ни ества, ничего нутро не принимает... стар уж я больно, сударыня, даже словно мохом порос... [ведь, дай бог всякому ворону столько лет прожить: во как я стар!]

Живоедова (*задумчиво*). Да и Иван-то Прокофийч уж не маленький... Господи! того гляди уснет человек, а духовную написать боится. Хоть бы ты что ли, Прохорыч, его с простого-то ума вразумил — ведь и тебя-поди наследники выгонят, как умрет.

Баев. Что-ж, сударыня, я готов вразумлять... Это точно что самое последнее дело именем своим не распорядить... чай, поди сколько в сундуках-то у него напасено! Только Прокофья Иваныча он обидит: это уж я бесприменно знаю, что обидит. И чем он ему, сударыня, не угодил, Прокофий-то Иваныч? человек, кажется, боязнь, [в церковь Божию ходит,] нищим подает — а не угодил!

Живоедова. Да и Прокофий-то Иваныч тоже ведь с норовом. Первое дело, что в армяке ходит, бороды не бреет — это, говорит, грех! а не грех что ли родителей не слушаться?

Баев. Грех-то, точно что грех... А ведь коли по правде сказать, сударыня, так это именно, что волос божий образ обозначает... И в писании, сударыня, сказано: *пострижало да не взыдет на брану твою...* Это я еще махонький от убогих странников слыхивал...

Живоедова. Да ты, Прохорыч, то возьми, что к нам ведь чистые господа ездят... Иван Прокофийч [одну] дочь-то за генерала выдал, [другую за военного], а ведь от Прокофьевых-то от одних сапогов как дегтищем-то разит... Ты одно это себе вообрази, Финагеюшка!

Баев. Справедливо, сударыня, справедливо!

Живоедова. Ну, опять и то: вздумал он жениться... Ведь он уж не маленький, чтоб прихоть свою соблюдать без малого-поди шестьдесят будет! Да что еще выдумал! на другой день с супругой-то в баню собрался: это, говорит, по древнему русскому обычаю... только смех, право! Ну, старику-то оно и обидно.

Баев. Справедливо, сударыня, справедливо. Только человеческую плоть рассудить мудрено. Вот и я стар-стар, а бывает, что только сам дивишься как защежит... И в писании тоже сказано: не хорошо, то-есть, человеку одному быть, а подобает ему жить с супружницей. Прокофий-то

«СМЕРТЬ ПАЗУХИНА» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕАТРЕ

Эскиз костюма и грима для роли Ивана Пазухина

Рисунок Б. Кустодиева, темпера и карандаш, 1914 г.

Собрание Ю. Е. Кустодиевой, Ленинград



Иваныч, значит, по писанию действует. Ну, и в баню тоже противузаконного ничего нет...

Живоедова. Нет, Прохорыч, зазорно [воля твоя, зазорно]. У Прокофья-то Иваныча дети тоже есть, один вон у губернатора по порученьям служит... а ну, как он, губернатор-то, проведявши про этакой-то страм, да спросит его: «а чей, мол, это отец без стыда безо всякого на старости лет в баню ходит?» Ведь в ту пору молодцу-то от одного от страму хоть в тартарары провалиться. [Вот ты что, Финагеюшка, рассуди.]

Баев. Справедливо, сударыня, справедливо. Однако ведь давно ли и Иван-то Прокофьич себе бороду оголил? Сама, чай, сударыня, знаешь, каков он был, как в ту пору тебя родители-то ему продали? Коли ты помнишь, так я-то как теперь вижу, как его в Черноборске исправник пытал за бороду трясти: не мошенничай, говорит, не мошенничай! Да, грозные были, сударыня, те времена, великие времена!

Живоедова. Оттого-то, видно, и стал он к просвещенью очень способен!

Баев. Такие, сударыня, были времена, что даже заверить трудно. Ивана-то Прокофьича папынька волостным писарем был, так нынче, кажется, и цари-то так не живут, как он жил. Бывало, по неделе и по две звериного образа не покинет, целые сутки пьян под лавкой лежит. Тутотка они и капиталу своему первоначало сделали, потому как и волость-то у них всё одно как свои крепостные люди были... А Иван-то Прокофьич подрос, так тоже куда ворист паренек был: ну, папынька-то ихний, видевши их такую амбицию к деньгам, что как они без сумленья готовы и живого и мертвого оборвать, и благословили их по питейной части итти. Ну, и пошли... А теперь они сирым вдовицам благотельствуют, божьи храмы сооружают... Что-ж, это хорошо! Пред владыку

небесного с хорошими делами предстать веселее будет! [Ахти-хти-хти-хти! Так во какие времена, сударыня, были!]

Живоедова. Только уж ты ему не поминай лучше об них, Прохорыч.

Баев. А отчего бы, сударыня, не напомнить? Разве тут что зазорное есть? Кабы он в церковь божию не ходил, или по постам скоромное ел — ну, это точно, что было бы зазорно, а то ведь это, сударыня, дело коммерческое, на то и щука в море, чтобы карась не дремал. Сегодня он меня ушибет, завтра я его, так оно и идет кругом (*Вздыхает.*)]

Живоедова. Так-то так, Прохорыч, только вот что худо, что об душе-то он об своей на старости лет попечиться не хочет; хоть бы нас, своих старых слуг, обеспечил, всё бы греховная-то ноша полегче была. А то вот предстанет пред царя небесного, а он, батюшка, и спросит его: «на кого-мол оставил ты Анну Петровну?» — а какой он ответ тогда даст? Вот что горько-то, Финагеюшка!

Баев. Справедливо, сударыня, справедливо.

Живоедова. А то вот всё говорит «поживу еще», да нелегкая понесла об каком-то чине теперь хлопоты затеял — сколько тут еще денег посадит! Словно в трубу-то не всё одно лежать, что потомственным гражданином, что надворным... только грех один!

Баев. И, матушка! поменьше-то еще лучше — вот я как скажу! Потому что там маленького-то на первое место посадят!

Живоедова. Ну, и детки тоже тащат: один Гаврюшенька чего стоит! В ту пору пожелал в гусары; насилу отчитали — хочу да хочу! [А об Николае Павлыче и говорить нече — этот старик как есть дойма доит]. (*Слышен стук подъехавшего экипажа.*) Ну, кажется, наши коршуны слетаться начинают.

Баев. Мне, видно, уйти, сударыня?

Живоедова. Ступай, Финагеюшка, да поговори же ты с ним, голубчик: так, знаешь, будто от себя, с простого ума. (*Баев уходит.*)

СЦЕНА II

Живоедова и Понжперховский.

Понжперховский видный мужчина, в военном сюртуке; усы нафабрены и тщательно завиты, волосы на голове приглажены; очень вертяв и вообще занят собой; говорит с сильным акцентом)

Живоедова. Ах, это вы, Станислав Фаддеич, а я думала, что из наследников кто-нибудь.

Понжперховский (*подходя к ее руке*). А сердце разве уж не подсказывает вам... ничего не подсказывает?

Живоедова. Какое уж тут будет сердце, Станислав Фаддеич, когда три ночи сряду не спала. (*Кричит*) Мавра! подай-ка закуску!

Понжперховский. Что-ж, разве очень уж плох?

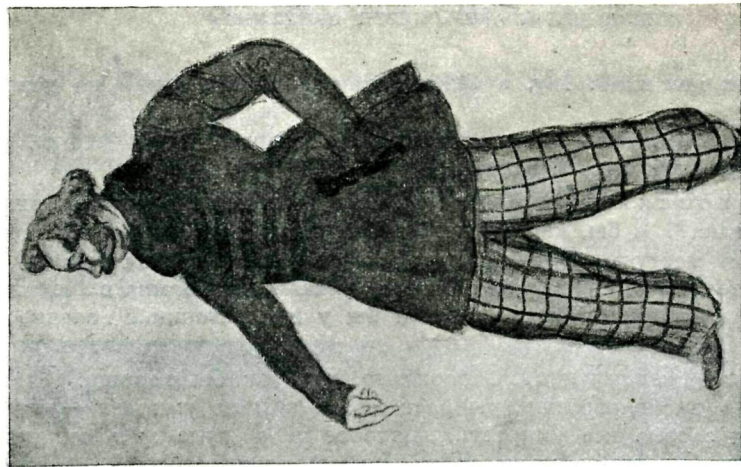
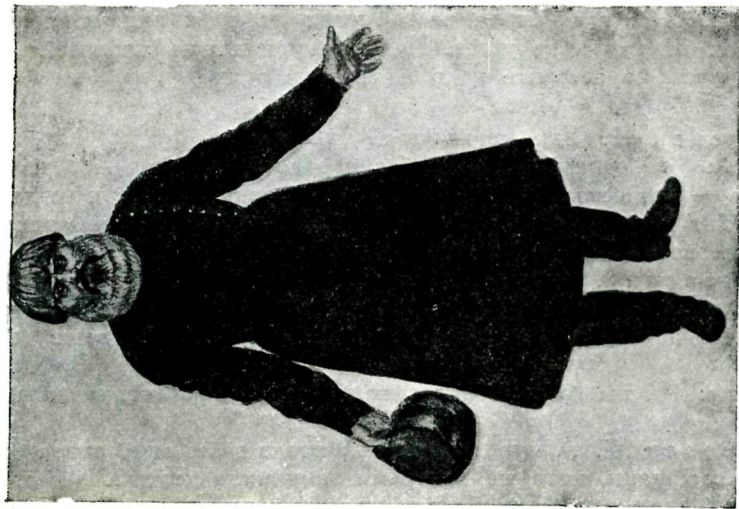
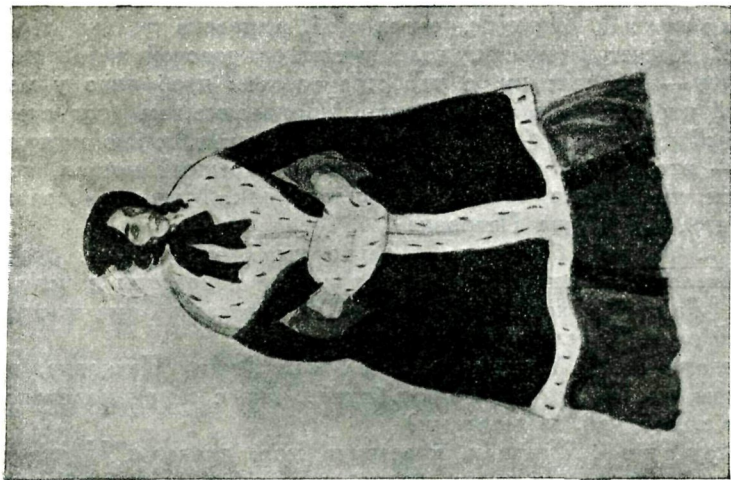
Живоедова. Плох-то плох, да что в этом толку! [«Ничего, говорит, еще, поживу, Аннушка...» вот поди ты с ним...] Хошь бы уже помер что ли, прости господи! — всё бы один конец!

Понжперховский. Нет, это уж боже упаси, Анна Петровна! Не сделавши распоряженья, ему умирать нельзя... (*Подумав немного*) А на вашем бы месте, я, знаете ли, что бы сделал?

Живоедова. Ну?

Понжперховский. [Скажите, пожалуйста, капиталы у него как больше: наличными или в билетах?]

Живоедова. Есть и наличными, а больше в билетах.



Эскизы костюмов и грима для ролей Живоedовой, Прокофия Пазухина и Живновского
 Рисулки Б. Кустодиева, темпера и карандаш, 1914 г.
 Собрание Ю. Е. Кустодиевой, Ленинград

Понжперховский. Ну, а билеты как-с? именные или на неизвестного?

Живоедова. Неизвестные, кажется, больше... Да что-то, мне словно страшно, Станислав Фаддич...

Понжперховский. Бесподобно-с⁴. Так на вашем бы месте я, знаете ли, что бы сделал? Я бы, как начнет старик-то умирать, все бы эти безымянки к одному месту-с... Вот как надо действовать, моя милейшая Анна Петровна!.. а там, знаете, (*ласкаясь к ней*) уехали бы ко мне в Понжперховку, я бы в отставку вышел, пошли бы у нас деточки... славно бы зажили!

Живоедова (*задумчиво*). Хорошо-то, уж как бы хорошо! Только [как же ты его тут разберешь, умирает ли он или не умирает — вот он уж третий год словно все умирает... Авторое дело! куда ж я билеты-то спрячу? ведь наследники-то, поди, по смерти, обыскивать будут?

Понжперховский. Неужто вы на меня не надеетесь?.. Анна Петровна?.. матушка!

Живоедова. Да, надейся на вас! Только тебя и видели, покуда деньги в карман положить не успел. Кабы не моя к вам любовь, давно бы мне эти глупости-то оставить надо... (*Махнув рукой*) Так, заел ты мой век!

Понжперховский. Так согласны-с?

Живоедова (*в раздумьи*). Рада бы я радостью, да бросишь ты меня в ту пору — вот чего я боюсь! Ни Понжперховки, ни тебя тогда не увидишь! (*Входит Мавра с подносом, на котором поставлена водка и закуска*). Лучше вот выпей да закуси!

Понжперховский. [А вы подумайте, любезнейшая Анна Петровна!.. лучше же с предметом своим поделиться, нежели как если этому сиволану Прокофью всё достанется!] (*Наливая рюмку*) За ваше здорье-с!

Живоедова. Да ты бы грибочков закусил: я сама отваривала — прислать что ли?

Понжперховский. А это не худо-с... вот вы бы мне, ангел мой, тех рыжичков сообщили, которые за тремя замками заперты... дда-с!

Живоедова (*вздыхая*). Ох, уж и то не мало ты у меня их перетаскал, ненасытная ты душа... И куда только ты их тратишь — чай, всё на любовники?... Как подумаю только об этом, так даже сама чувствую как душа вся дрожит... изверг ты!

Понжперховский. Полноте, ангел мой, напрасно только сердце свое тревожите. Насчет верности, доложу вам, я золотой человек... В карты перекинуть — это так; ну, и удобства разные: чтоб вино у меня, или сигары, всё чтоб было в своем виде... [Признаюсь, на этот счет я точно что слабый человек!] (*Обращаясь к зрителям*) Люблю пожуровать! Деньги — это, я вам доложу, для меня презренный металл, которого чем больше, тем лучше — вот моя философия!.. Можно, я полагаю и повторить, ангел мой Анна Петровна?

Живоедова. Кушай, батюшка... Только ты лучше водки больше пей⁵: от этого человек тучен бывает, а от тучности и красоты в человеке прибавляется⁶. [Да ты бы хоть ветчинки что ли отведал? Сама и солила и коптила — всё сама. Прислать что ли окорочек?

Понжперховский. Пришлите, ангел мой Анна Петровна, пришлите. А я к вам, моя бесценная, с просьбицей... так, с самой маленькой...

Живоедова. Всё, чай, за деньгами?

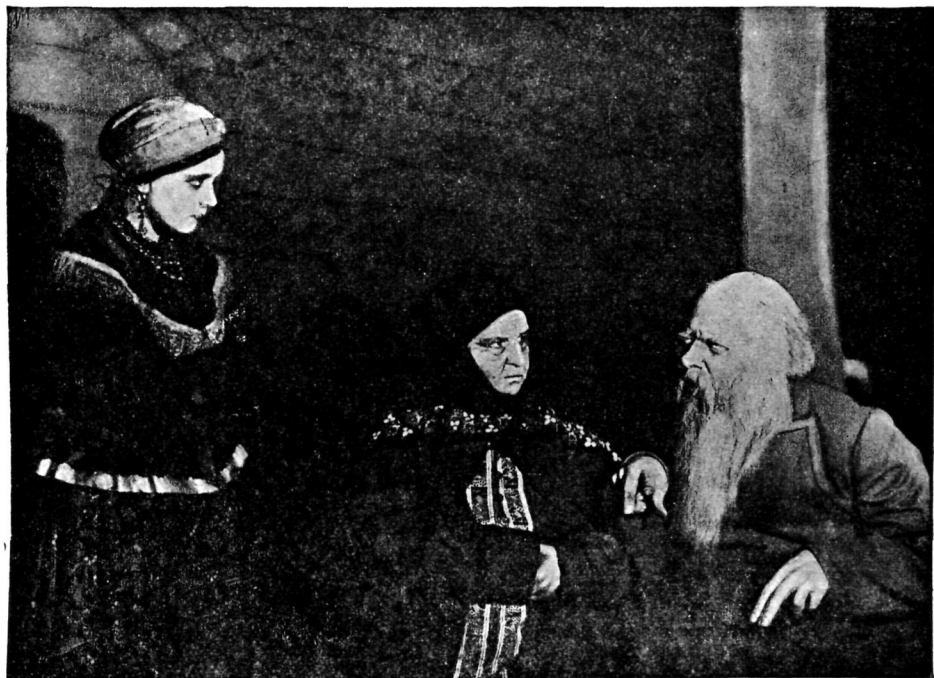
Понжперховский. Угадали, красавица моя, угадали. И кто это вам подсказывает? верно, это самое сердце, в котором пламень любви

обитаешь?.. Нужно, Анна Петровна, нужно-с! За то как любить буду! просто огонь!

Живоедова. Да давно ли ты у меня одолжался? Что, я разве кую деньги-то? Ведь они мне трудом достаются, пойми ты это!

Понжперховский. Нужно, Анна Петровна, нужно-с... Сегодня вот кучер: сена, говорит, купить надо...

Живоедова. Много ли на сено надо! Нет, ты не на сено, а на любовниц транжиришь — вот что! Кабы не ты, не боялась бы я теперь



«СМЕРТЬ ПАЗУХИНА» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕАТРЕ

М. Николаева, П. Бакшеев, В. Булгакова в ролях Василисы Парфентьевны, Баева и Мавры
Снимок сделан во время гастролей театра в Америке, 1924 г.

Музей МХАТ им. М. Горького, Москва

ничего, была бы при своем капитале: вот ты на какую линию меня поставил!] (Слышен стук экипажа). Ну, уж это, верно, наследники!

[Понжперховский. Так как же деньги-то?

Живоедова. Да уж что с тобой станешь делать: приходи ужо!]

СЦЕНА III

Те же, Лобастов и Доброзраков. (Лобастов небольшой человек, очень плотный и склонный к параличу; лицо красное, точно с морозу, пьет и закусывает наскоро, но прежде, нежели положить кусок в рот, дует на него. Он еще очень бодр и жив в своих движениях, редко стоит на месте и даже разговаривая больше ходит. В поношенном фраке. Доброзраков [тот самый франт, о котором подробно объясняется в «Губернских очерках», зри «Прошлые времена, рассказ первый». Он] роста большого и несколько при этом сутуловат; смотрит добродушно, и даже наивно [но на житейские дела имеет взгляд исключительно практический], а при подании



О. Л. Книппер в роли Живоедовой
Снимок сделан во время гастролей
в Америке, 1924 г.
Музей МХАТ им. М. Горького,
Москва

медицинской помощи прибегает преимущественно к кровопусканию, вследствие чего пользуется большим доверием крутогорских граждан.)

Лобастов (становясь в дверях). Пану полковнику здоровья желаем. Чи добреж маешь, пане?

Понжперховский. А вот-с приехали почтеннейшего Ивана Прокофьича проведать... Как вы, генерал?

Лобастов. Да что — плохо! того и гляди Кондратей Сидорыч хватит: потудова только и жив, покудова Иван Петрович тарелки две красной жидкости выпустит.

Доброзраков (прямо подходя к водке). А вот, ваше превосходительство, испытаем предварительно целебные свойства этой жидкости (подносит ему рюмку).

Лобастов (пьет). Да, любезный друг, встарину эта жидкость на меня именно целебное действие оказывала. Бывало, как ни сделаешься болен, потеряю ею снаружи, сполоснул внутри — и всё как рукой сняло. Нет, теперича уж не то: укатали, знаете, сивку...

Понжперховский. А что вы думаете, генерал? может быть от этого-то частого всполаскивания оно и не действует... Вот у нас помещик был, тоже этим занимался, так поверите ли, внутренности-то у него даже выгорели все, точно вот у печки, если часто да без меры ее топить.

Лобастов. Да?.. а у нас бывала-таки изрядная топка, особенно как еще нижним чином был [сменившись, бывало, с караула, так это даже удивительно какое количество выпивали... Ну, и после тоже...

Понжперховский. Сс...]

Живоедова. Ан, вот, стало быть, нутро-то и выгорело.

Доброзраков. Вздор всё это. (Ударяет себя по животу) Это печка такого сорта, что как ее ни топи, всё к дальнейшей топке достойна и способна. [Я это по собственному опыту говорю]. Я вот уж шестой десяток на свете живу, и достаточно-таки внутренности свои увлажил, а все[-таки] хоть сейчас в поход готов... [Стало быть, не водка, а кровь —

вот кто злейший наш враг.] А ну, ваше превосходительство, покуда, до Кондратья-то, выпьем по маленькой! (*Пьют и закусывают.*)

Лобастов. Однако, мы хороши. Уж повторили и закусили, а любезнейшей Анне Петровне даже почтения не отдали.

Живоедова. И, батюшка, бог простит! Как ваша Елена Андревна?

Лобастов. Да что, сударыня, сохнет.

Живоедова. Что-то уж и сохнет! да ты бы, Андрей Николаич, ей мужа что ли сыскал: [ведь] она, я думаю, больше этим предметом и сокрушается!

Лобастов. А где его, сударыня, нынче сыщешь! Знаю я, что девическая жизнь, как ее ни хлебай, все ни солоно, ни пресно...

Доброзраков. Да-с; вот от этого — это действительно, что нутро выгореть может.

Понжперховский. Сс...

[Живоедова. Чтой-то уж, батюшка, ты ровно пустяки городишь? Вот я, слава тебе господи, сорок лет в девичестве нахожусь, а нутро-себе как нутро.

Доброзраков. Да ваше девичество, Анна Петровна, совсем другое-с; а Елена Андреевна, можно сказать, закалилась в девичестве — вот что нехорошо-то!!

Лобастов. Ну, а Иван Прокофьич как? не вставал?

Живоедова. Какое, вставал? на заре только уснул: уж пытала я с ним маяться, даже теперь сонная хожу. [Думала вот, что наследники приехали, ан вы!]

Лобастов. Какие мы, сударыня, наследники! так, с боку припёку. А что перемен у вас никаких нет?



«СМЕРТЬ ПАЗУХИНА» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕАТРЕ

Л. М. Леонидов в роли Ивана Пазухина

Снимок сделан во время гастролей в Америке, 1924 г.

Музей МХАТ им. М. Горького, Москва

Живоедова. Какие у нас перемены? [лежит как чурбан, прости господи, да привередничает! нет чтобы богоугодное дело сделать!]

Доброзраков. Да, заберет всё Прокофий — это уж верно, как дважды два.

Лобастов. Да, похоже на это.

Живоедова.] Хошь бы ты его, Андрей Николаевич, усовестил; — [ведь ты генерал, а он поди как любит, чтоб за ним большие люди ухаживали]. Право, [ведь] дождемся мы до того страму, что Прокофей Иваныч всем завладеет.

Лобастов. Да, похоже на это.

Живоедова. [Да что ты, батюшка, словно маятник ходишь, да только и слов у тебя, что «похоже на это». Сами уж видим, что похоже, а ты нам скажи, как пособить-то этому...] Ведь ты то рассуди, что дом-от почти на дворянской ноге теперича заведен, а тут вдруг въедет в него свинья со своим с рылом! вот ведь что обидно-то!

Лобастов. Знаю, сударыня, знаю, да уж и со мной-то очень здесь обошлись... за живое, сударыня, задели! Ведь дочь-то она у меня одна — значит кровное детище!.. Так с какой же мне стати в чужие [можно сказать] дела входит?

Доброзраков. А ну их, ваше превосходительство! Лучше выпьем с горя! (Пьют.) Это третья-с, а сколько еще мне придется этаких выпить! [Практика у меня, знаете, купеческая, так куда ни придешь, всё «пожалуйте да пожалуйте!» а то вот еще говорят, что нутро выгорает... ах вы!] Однако надо бы старика проведать. Анна Петровна, пойдемте-ка вместе, надо его разбудить.

Живоедова. Да нельзя ли не будимши посмотреть?

Доброзраков. Нельзя-с, надо язык посмотреть.

Живоедова. Да нельзя ли хоть сегодня без языка?..

Понжперховский. Нельзя, Анна Петровна, язык есть продолжение человеческого естества, следственно...

Доброзраков. Эк вывез! Пойдемте, Анна Петровна. (Уходят.)

СЦЕНА IV

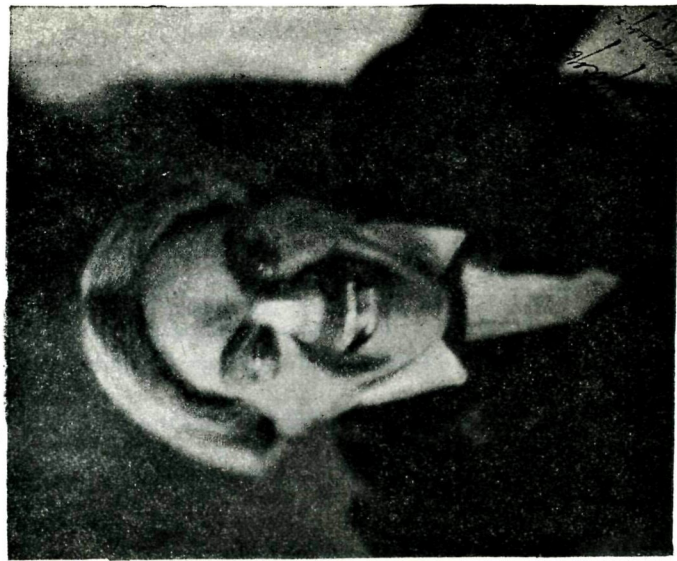
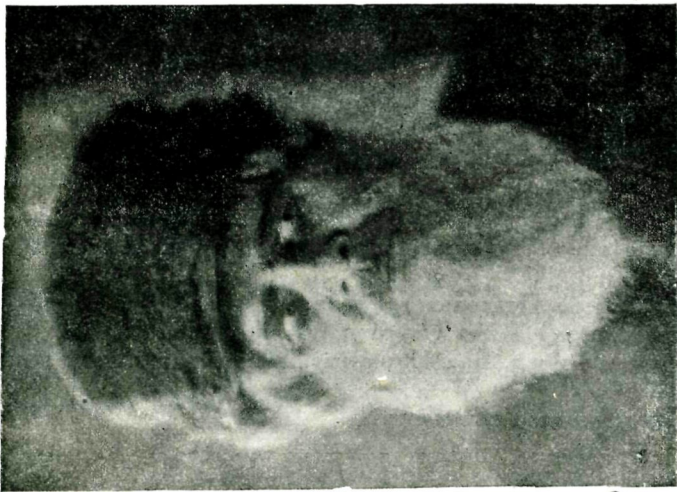
Те же, кроме Доброзракова и Живоедовой (в среднюю дверь незаметно входит Прокофий Иваныч и становится около самой двери. Прокофий Иваныч старик среднего роста совершенно седой, одет в синий кафтан, носит бороду и острижен по-русски. При входе он несколько раз кланяется).

Понжперховский (не замечая Прокофия Иваныча). А ведь это, ваше превосходительство, именно удивительно, какое жестокосердие в человеческом сердце поселиться может! Ведь боится же человек смерти!.. ну, [скажите на милость? Нет-с, я так полагаю, что это от того, что грех, верно, тяжкий на совести лежит, потому что] возьмите вы хоть нас с вами... Ну, приди хоть сейчас смерть — что-ж? (впадая в сантиментальность): зла я никакого не сделал, ни у кого ничего не украл, не убил, не прелюбы сотворил, [Государю своему служил верно...] ну, чего, ну, чего же бояться мне смерти! Готов, готов хоть сей час в дальний вояж!

Лобастов. Нет, не говорите этого, Станислав Фаддееч, уж кто другой, а я знаю, что значит умирать: такие, знаете, старики перед глазами являются, каких и от роду не видывал...

Понжперховский. Скажите пожалуйста!

Лобастов. Д-да-с... Я, сударь, два раза обмирал... то-есть, так обмирал, что даже сам уж думал, что в будущую жизнь переселился... И вот какой, я вам доложу, тут случай со мной был. Звание мое, как вам



«СМЕРТЬ ПАЗУХИНА» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕАТРЕ

И. М. Москвин в роли Прокофия Пазухина
 Снимки сделаны во время гастролей театра в Америке, 1924 г.
 Музей МХАТ им. М. Горького, Москва

известно, из простых-с, так в двенадцатом году я был еще [так] лет осьмнадцать мальчишка. Проходили мимо нашей деревни французы, мародёры по-ихнему называются... Вот-с я, однажды, и изымал одного такого французишку, и как были мы [все] тогда вне себя, так и я тоже свою лепту-с... Так поверите ли, как обмирал-то я, всё этот прожженный французик — так, сударь, языком и дразнит... Так вот она что значит смерть-то!]

Пон же перховский. Сс...

Лобастов. Так умирать-то, значит, и не легко-с. [А у Ивана Прокофья, по секрету, тоже...] (Оборачивается и видит Прокофья Ивановича) А! Прокофий Иванович! здравия желаем! Ну, как с молодой супругойживаете?

Прокофий Иванович (кланяясь). Слава богу-с... мы вот насчет тытенькинова здоровья очень беспокоимся.

Лобастов. Это дело доброе... Что ж, старик, кажется, слава богу... это должно тебя радовать.

Прокофий Иванович. «Слава богу» — лучше всего, ваше превосходительство. (Кланяется и как-то сомнительно улыбается.)

Лобастов. Да вот что, Прокофий Иванович, я с тобой переговорить хотел.... ты бы, брат, эту сермягу-то бросил, да и бороду-то, брат, тово...

Прокофий Иванович (кланяясь). Помилуйте, ваше превосходительство.

Лобастов. Право, брат, так... Ну что тебе значит старика потешить? Разве лучше, что он тебя к себе на глаза не пускает?

Прокофий Иванович. Помилуйте, ваше превосходительство... Мы завсегда родительский гнев сносить рады⁷.

Лобастов. Так брось же, братец, ты эту дурь!

Пон же перховский. Вы посмотрите, Прокофий Иванович, как образованные люди ходят... разве дикое состояние образованному человеку прилично?

[Прокофий Иванович. Помилуйте, ваше высокоблагородие, она-меднись француз фокусы показывал... так ведь тоже борода у него была... а он тоже образованный.]

Пон же перховский. Так ведь он из мужиков, Прокофий Иванович, поймите вы это! Только не из русских, а всё же из мужиков! Разве образованный фокусы станет показывать! Образованный служит отечеству по военной или по гражданской части! (Улыбается и самодовольно озирается на Лобастова.)]

Прокофий Иванович (к Лобастову). Нет уж, ваше превосходительство, позвольте нам пред царя небесного в своем виде предстать. (Кланяется.)

[Лобастов. Ну, как знаешь любезный; я для тебя, для твоей же пользы говорю.]

СЦЕНА V

Те же и Гаврило Прокофьич. Гаврило Прокофьич вбегает стремительно; одет франтом и завит.)

Гаврило Прокофьич. Где дедушка? где дедушка? Господи! половина одиннадцатого, а он там еще проклажается! Анна Петровна! Анна Петровна!

Пон же перховский. Позвольте, Гаврило Прокофьич, я покричу-с. (Кричит в боковую дверь) Анна Петровна! Анна Петровна!

Гаврило Прокофьич. Благодарю вас... А всё эта глупая привычка сидеть дома безо всего.

Лобастов. Да что такое случилось?

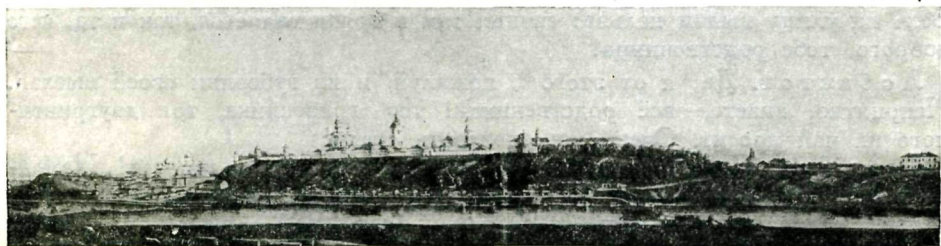
Гаврило Прокофьич (размахивая руками). Князь... князь... желает узнать об здоровье дедушкином... Ну, поняли вы что ли?

Лобастов (начиная застегиваться). Ах ты господи! Сам его сиятельство едет!

Гаврило Прокофьич. Кто вам говорит про его сиятельство! Поедет к вам его сиятельство! довольно будет если и Леонида Сергеевича пришлет. [Еще кабы жили, как порядочные люди живут!] (Оборачивается и видит отца, который кланяется) А! и вы тут! разве вы не слышите, (с расстановкой) разве не слышите, что Леонид Сергеевич сейчас сюда будет! Разве здесь ваше место? ⁸.

Прокофий Иванович. (Кланяясь) Я ⁹ об тятенькином здоровье узнать пришел...

Гаврило Прокофьич. Об этом и на кухне от Баева узнать можно. (Прокофий Иванович делает движение чтобы выйти.) Или нет, погодите, мне нужно с вами еще переговорить. (Становится перед ним, сложив на груди руки). Нет, вы скажите, вы долго нас смраить намерены?



ВИД ГОРОДА ВЯТКИ С СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ СТОРОНЫ

Гравюра с рисунка П. Шестакова, 1864 г.

Публичная Библиотека, Ленинград

Прокофий Иванович. Я, кажется, ничего, Гаврюшенка.

Гаврило Прокофьич. Стыдитесь, сударь, стыдитесь... До седых волос вы дожили, а только одни непристойности у вас в голове. (Махает руками у него под носом). И с чего вы это взяли в баню ходить? Этого даже и в безобразных ваших цветничках [ведь] нет!

[Прокофий Иванович. Я, кажется, по преданию, Гаврюшенька.

Гаврило Прокофьич. Ах ты господи! вот и говори ты с ним! вот и живи с ними в этаким хлеву!]

Прокофий Иванович (вздыхая). Видно ¹⁰, и впрямь итти к Прохоручу! (Уходит.)

СЦЕНА VI

Те же, кроме Прокофья Ивановича. Из боковых дверей выходит Живоедова.

Живоедова. Что такое случилось, Гаврюшенька?

Гаврило Прокофьич. Во-первых, сколько раз я просил вас оставить эту поганую привычку называть меня Гаврюшенькой? Какой я вам Гаврюшенька?

Живоедова. Христос с тобой, Гаврюшенька! Я ведь тебя на руках маленьким носила!

Гаврило Прокофьич. Это нужды нет, что носили: когда носили, тогда и Гаврюшенькой звали, а теперь я уж Гаврило Прокофьич— слышите! Ну, а во-вторых, сюда сейчас от князя Леонид Сергеевич будет об дедушкином здоровье узнать.

Живоедова. Ах ты господи! А ведь Иван-то Прокофьич еще безо всего там сидит! (Убегает.)

Понжперховский. Верно и мне уж уйти; не люблю я этого Разбитного.

Лобастов. А что?

Понжперховский. Гордишка-с! (Уходит.)

СЦЕНА VII

Те же, кроме Живоедовой и Понжперховского.

Гаврило Прокофьич. Ну, скажите, пожалуйста, генерал, зачем, например, этот выходец сюда таскается?

Лобастов. А так вот: выпить да закусить. Вы уж очень строги, Гаврило Прокофьич.

Гаврило Прокофьич. Нет, генерал, я не строг, а я желаю, чтобы в этом доме чистый воздух был... понимаете? [чтобы вся эта сволочь не ходила сюда как в кабак водку пить. С моими чувствами, с моим образованием подобного положения вещей перенести нельзя!] Знаете ли, как у меня здесь наболело, генерал? (Указывает на сердце.) Ведь на улицу выдти нельзя: свинья там в грязи валяется, так и та, чего доброго, тебе родственница!

Лобастов. Да; я от этого ¹¹, пожалуй, и из губернии своей выехал. Неприятно, знаете,—всё родственники! тот гривенника, тот двугривенного на чай просят. Очень уж одолевать стали.

Гаврило Прокофьич. Так какво же мне-то, генерал! Намеднись вот иду я, в хорошей компании, мимо рядов, ну, и княжна тут... вдруг, откуда ни возьмись, бабушкин брат, весь, знаете, в кубовой краске выпачкан: «а это, говорит, кажется, Прокофьев Гаврюшка с барами-то ходит!» Вы только войдите в мое положение, генерал! что я тут должен был вытерпеть!

Лобастов. Да; это очень неприятно.

Гаврило Прокофьич. И добро бы еще были негоцианты как следует — ну, уж бог бы с ними! Я вам скажу даже, что в образованных государствах tiers état великую роль играло... Так ведь нет же, всё почти раскольники, да и торговлею-то какую непристойною занимаются: тот краской торгует, тот рыбным товаром, просто даже прикоснуться совестно.]

Лобастов (вздыхая). А впрочем, ведь это вам от того так, Гаврило Прокофьич, кажется, что у вас на платье сукно уж тонко очень — вот и представляется всё, что замараётся. Эх, Гаврило Прокофьич! вот вы давеча и с родителем тоже крупненько поговорили, а ведь, знаете, умри завтра дединька-то ¹², бог весть еще кому перед кем кланяться-то придется... [Я любя вас это говорю, молодой человек!]

Гаврило Прокофьич. Вот еще! Да он ничего ему не оставит, кроме той лавки, в которой он нынче торгует... да и в той-то: только четвертую часть, а остальные три четверти брату Ивану.

Лобастов. Бог знает, сударь, бог знает... духовной-то вот и о сию пору нет!

Гаврило Прокофьич. Да; признаюсь, это, чорт знает, как меня бесит! и придет же в голову такая нелепая фантазия, что после духовной сейчас ему и смерть. А знаете ли, ведь вы, пожалуй, правы, генерал; пожалуй, и в самом деле, без духовной умрет... (Вздрагивает). Чорт возьми! ведь тогда прескверная штука выйдет! этот дегтярник в состоянии и еще детей иметь, от него это станется!

Лобастов. Поверьте мне, Гаврило Прокофьич, он недаром женился... Он хоть и стар, да у молодых баб [знаете], жировые дети бывают!

Смерть Могунича

~~Туберкулез Смерть~~
~~Копия Вильгельма Гейсера~~

~~Медицинская история~~

Комедия в 4-х действиях.

Действие

Действующия лица.

Иван Прокорьев ^{Мужик} ~~Пугачев~~, 75 лет,
мещанин, занимающийся погребанием и
смертниками.

Прокорей Иванович, сын его, 55 лет,
мещанин Прокоровых 25 лет, мучка сед.
Степанов Саватийков,
Иван Иванович Пугачев, зять его, 55 л.

~~Иванов Павел Иванович~~,
~~Иванов, купеческий Погребов, друг Иванова~~
Степанов император Андрей Николаевич
Лоботков, 60 л, друг старика ^{Пугачев} ~~Павел Иванович~~
происхождение из сдаточных.

Колора Станислав Вадимович Плещинский, 40 лет.

Иван Петрович Лоботков, от-
ставной штабс-камер, 55 лет.

Виктор Орлов Лоботков, чиновник
особых поручений при губернаторе, мещ.
штатский.

Степанов Лоботков Александрович,
50 лет.

Анна Петровна Лоботкова, 40 лет,
сирота, из дворянства, живущая

Гаврило Прокофьич. Да хоть бы вы, генерал, с дедушкой поговорили: он вас слушается.

Лобастов. Нет, Гаврило Прокофьич, мое тут дело сторона. Да к тому же и обидели меня очень!

Гаврило Прокофьич. Помилуйте, генерал, какая же тут обида! Вы то возьмите, что вашей Елене Андревне почти тридцать, а мне и всего-то двадцать!

Лобастов. Так-то так-с, да ведь она у меня одно только и есть детище! рассудите сами, Гаврило Прокофьич, каково *отцовскому-то сердцу смотреть, как единственное детище изнывает! Ведь она, можно сказать, ночи не спит! (*Начинает ходить по комнате с усиленною поспешностью*). [И добро бы еще бесприданница была!]

Гаврило Прокофьич. Ну, это еще как-нибудь поправить можно... Только вы уж на старика-то подействуйте!

Лобастов (*останавливаясь*). Да вы не шутя это говорите, Гаврило Прокофьич?

Гаврило Прокофьич (*в сторону*). Вот навязалась, скверная девка! (*Нерешительно*). Д-да-с, генерал, я к вам заеду поговорить об этом.

[Лобастов. Ну, заезжай, заезжай, дорогой зятек — вот Леночке-то радость будет! (*На ухо ему*.) У меня ведь тоже сотняжка тысяч за Леночкой-то найдется! Как же! не даром век изжили! батальоном, сударь, двадцать лет командовали, да каким еще: гарнизонным-с!

Гаврило Прокофьич (*радостно*). Неужели? Не выпить ли нам, генерал? (*Подходит к закуске*.) Господи! даже закуски порядочной подать не могут! грибы да рыжики да ветчина! эй, кто тут есть? (*Является Мавра*) Да позови ты лакея, варвары вы этакие! этак ты, пожалуй, и при гостях в гостиную вломисься! Возьми поднос, да вели приготовить другую закуску — генеральскую, слышишь? (*Мавра берет поднос и уходит; в это время двери растворяются настезь и в них показывается большое и длинное кресло на колесах, подталкиваемое сзади двумя лакеями. На кресле, утопая в подушках лежит [или, правильнее, сидит с ногами] Иван Прокофьич, старик сухой и слабый; одет в сюртук; на шее повязан белый галстук; [волосы, совершенно белые, зачесаны с таким расчетом, чтобы закрыть образовавшуюся посреди головы плешь;] вид имеет Иван Прокофьич весьма сановитый и почтенный. Лакеи, подкатив кресло на середину комнаты, удаляются.*)

СЦЕНА VIII

Те же, Иван Прокофьич, Живоедова [и Доброзраков].

Лобастов. Почтеннейшему Ивану Прокофьичу здоровья и благоденствия желаем! Каково, сударь, спал, веселые ли сны во сне видел? (*Садится подле кресел*.)

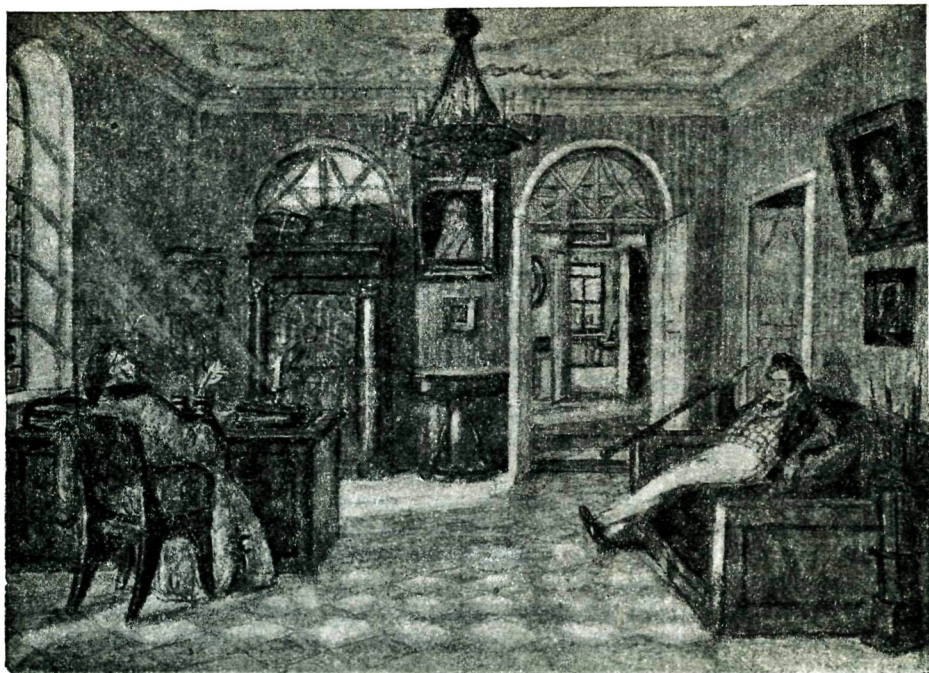
Иван Прокофьич. Да чего, брат, только провалялся с боку на бок — какой уж тут сон!

Живоедова. [Полно, сударь, на старости-то лет на себя клепать; разве только с ночи привередничал, а то спал как спал, дай бог и молодому так выспаться.] Гаврюшенька! хоть бы ты посмотрел, так ли мы дединыку-то одели?

Гаврило Прокофьич. Опять вы с своим «Гаврюшенькой»! Что у вас язык-то отвалится сказать «Гаврило Прокофьич»? [Да вы скажите, отвалится или нет?

Живоедова (*подумавши*). Для-че языку отвалиться?..

Гаврило Прокофьич. Ну, следственно...] (*Осматривая Ивана*



«СМЕРТЬ ПАЗУХИНА» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕАТРЕ

Эскиз декорации 2-го акта

Акварельный рисунок Б. Кустодиева, 1914 г.

Собрание Ю. Е. Кустодиевой, Ленинград

Прокофьяча). Господи! Галстух-то, белый-то галстух-то зачем вы ему навязали! ведь точно и не весть кто к вам едет... этакое невежество!

Иван Прокофьяч. Ну, ну, не балуй, Гаврило! Не великого еще мы с тобой чина птицы... вспомни что сказано: ему же честь — честь, ему же дань — дань... Стало быть, и в белом платке можем принять посланца от его сиятельства.

Гаврило Прокофьяч. Да ведь над вами же потом Леонид Сергеевич смеяться будет: эх, скажет, обрадовался!

Иван Прокофьяч. Ну, и пускай смеется, а что подобает, то подобает.

[Доброзраков. А что, Анна Петровна, видно водочка-то «ау» сказала?

Живоедова. Кто ж это поднос снять велел?

Гаврило Прокофьяч. Кто велел? я велел! вам бы только водку пить да закусывать!

Доброзраков. Эх-ма! а не худо бы выпить...

Гаврило Прокофьяч. Вы бы лучше, Анна Петровна, распорядились, чтоб закуска приличная была, а то наложили рыжиков да ветчины — только один стыд с вами!

Иван Прокофьяч. (*Живоедовой*). Там, в подвале, на третьей-то полке, в самом углу, жестянка не початая стоит...

Живоедова. (*вынимая из-под подушек связку ключей*). Иду, батюшка, иду. (*Уходит.*)

Доброзраков. И мне, видно, за Анной Петровной по подвальной части! (*Уходит; в средних дверях показывается Живновский, высокий старик с огромными усами и бакенбардами, в форменном очень потасканном сюртуке.*.)

СЦЕНА IX

Те же и Живновский.

Живновский. Благодетелю Ивану Прокофьичу низайше кланяюсь. Ваше превосходительство! Гаврило Прокофьич! *(Кланяется всем.)*

Иван Прокофьич. Откуда бог принес?

Живновский. А вот-с, был сегодня, на вчерашнем пожарище-с...

Иван Прокофьич. Потух что-ли?

Живновский. Дымится, благодетель, дымится — по этому-то случаю я и был. Распорядиться, знаете, некому; полициймейстеришка дрянь; [стоит тут-это бочка с водой, а полицейские знай ковшиком огонь заливают... Ну, что тут бочка! Ну, я вас спрашиваю, что тут одна бочка? тут сотни бочек надобно!] вот и пришлось за них работать! всю ночь провозились, да и утро так между пальцев ушло.

Иван Прокофьич. Ишь тебя нелегкая носит! словно тебе тысячи за это дают!

Живновский. Помилуйте, благодетель, ведь [тут] человечество погибает!.. [нельзя-же-с!]

Иван Прокофьич. А я так думаю, что просто натура у тебя такая уж буйная, что пожар-то тебе заместо праздника! Ну, сказывай, стрекоза, где же ты еще шатался?]

Живновский. [Всё на пожарище; дело не маленькое-с; надо было и тем и сем распорядиться...] Сама княжна Анна Львовна мое усердие заметили.

Гаврило Прокофьич. Как, и княжна там была?

Живновский. Как же, и с Леонидом Сергеем... Пожелали и о подробностях узнать: кто пострадал и как... ну, я им всё это в живой картине представил... Да Леонид-то Сергееч к вам ведь едет.

Иван Прокофьич. Разве что-нибудь говорили?

Живновский. Говорили, благодетель, говорили. Как я, знаете, порассказал, что [так-мол и так], вдова, пятеро детей, — с позволения сказать, лишь необходимое, по ночному времени, ношебное платье при себе сохранили — так княжна тут же к Леониду Сергеечу обратилась: иль-фо, говорят, Razmakhnine... [Вот я и поспешил благодетеля предупредить.]

Гаврило Прокофьич *(озабоченно)*. Деньги при вас, дединька?

Иван Прокофьич. А разве надо?

[Гаврило Прокофьич. Нельзя, дединька, нельзя... как же можно! княжна делает вам честь...]

Живновский. Там честь ли не честь ли, а всё деньги отдать придется — так, по-моему, уж лучше честью.

Иван Прокофьич] *(Лобастову)*. Как ты думаешь, Андрей Николаич, сколько?

Лобастов. Да четвертной, кажется бы, достаточно.

Гаврило Прокофьич. Что вы, что вы! да Леонид Сергееч и не возьмет! Нет уж, дединька, как вы хотите, а меньше сторублевой нельзя! Жертвовать так жертвовать! Посудите сами, у них только и надежды на вас!

Иван Прокофьич. То-то вот и есть, что часто уж очень надеждо-то на нас полагают! Как и деньги-то припасать, не знаешь! Намеднись вот на приют: от князя полиция приезжала — нельзя, говорит, меньше тысячи — ну, дал; через час места, председатель чиновника присылает — тоже, говорит, на приют — тоже дал; потом управляющий — ну, этот, спасибо, хошь сам приехал: я, говорит, на твой карман виды имею!.. тоже шутит!.. Много уж больно благодетелей-то развелось!

Гаврило Прокофьевич. Да нет, вы, дединька, всё прежнего своего «скалыжничества» не забыли. Вы то подумайте, что князь вас в надворные советники представил! [Ведь это и нынче почти дворянин, а прежде-то и весь дворянин был!]

Иван Прокофьевич. Меня, брат, с этим надворным советником уж давно измаяли; может, и ноги-то отнялись от него! Еще княжой предместник эту историю-то поднял: «пожертвуй да пожертвуй, говорит, на общепольное устройство!» Ну, и пожертвовал: в саду беседок на мои денежки настроили, чугунную решетку вывели — тысяч с сотню на ассигнации тогда мне это стоило! Ну, и прислали [тогда] признательность. Я к его превосходительству: «так-мол и так, говорю, что ж это за мода!» А он мне: «ну, говорит, видно, еще жертвовать придется — давай, говорит, плывучий мост через реку строить!» Ну, нечего делать, позатынулся уж в это болото маленько, стал и мост строить — [тоже с лишним сотню тысяч тут простроил!..] ну, и прислали медаль! Я опять было к нему, а он же, наругатель, надо мной смеется: «рожна, говорит, что ли тебе надобно? а ты, говроит, пир задавай»... Ну, не что станешь делать, и пир задал! [Потом и опять пошли жертвы...] *(Возвышая голос)* Так мне эти жертвы-то вот где сидят! *(Показывает на затылок.)* Господи! хоть бы умереть-то надворным советником дали!

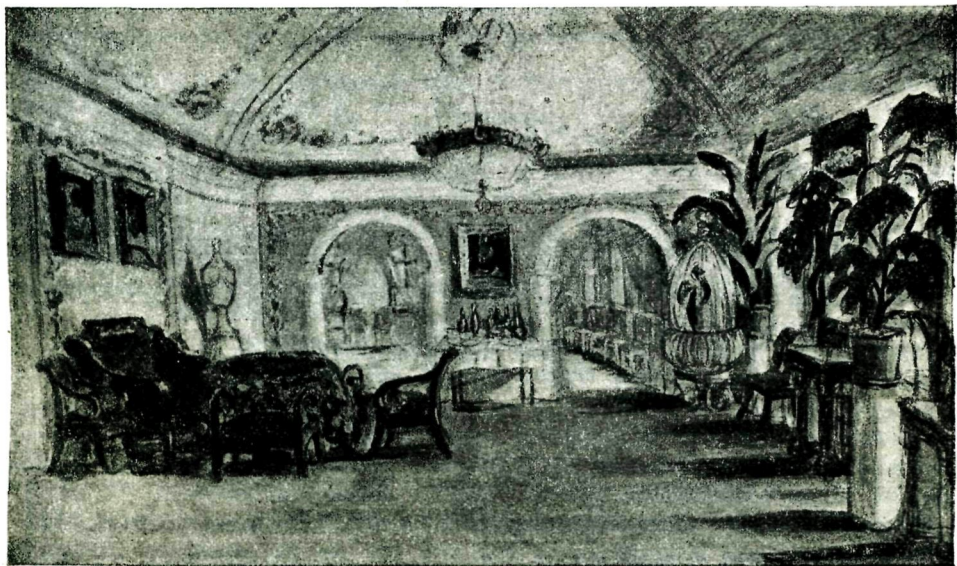
Лобастов. Нет, уж это не дай бог — умереть, Иван Прокофьевич.

Живновский. Это вы истинную правду, ваше превосходительство, сказали: перед смертью мы все именно ничтожество...

Глядит на всех, и на царей
В державу коим тесны миры¹³,
Глядит на тучных богачей
Что в злате и серебре кумиры...

(Задумывается и крутит усы). О-о-ох!

Иван Прокофьевич *(Живновскому с досадой)*. Уж хоть бы ты



«СМЕРТЬ ПАЗУХИНА» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕАТРЕ

Эскиз декорации 3-го акта

Акварельный рисунок Б. Кустодиева, 1914 г.

Собрание Ю. Е. Кустодиевой, Ленинград

не ругался! Обошьет, обьест, да он же над тобой и надругается. Считал что ли ты мои деньги-то!

Живновский. Помилуйте, Иван Прокофьич, это фигура-с... так для воображения написано!

[Иван Прокофьич. То-то фигура! Ты бы вот в моей коже-то посидел...

Гаврило Прокофьич. Да теперь, дединька, непременно дадут... теперь и давать-то больше нечего, всё уж у вас есть.

Живновский. А вот я вас научу, благодетель, как это дело сделать. Вы, знаете, приготовьте деньги, да как он, знаете, начнет заикаться-то, а вы, как будто от своей от души: я-мол уже и сам об сирых подумал, вот мол и деньги!

Гаврило Прокофьич. А и в самом деле, дединька; сделайте так... да уж сторублевую!

Живновский. Ведь с казны же потом, благодетель, возьмете, или вот в вино вассервейну малую толику пустите, ан сто-то рублей тут и найдутся... Гм... вино! а не мешало бы хозяину и доброго здоровья пожелать. *(Ищет глазами подноса с водкой.)*

Лобастов. Ау, брат!

Живновский. Ну, это уж не дело!..] Да вот, кажется, и сам Леонид, Сергенч катит!

Гаврило Прокофьич. Ах ты, господи! а у вас еще, дединька, и денег нет... да и закуски эта Анна Петровна не несет [целый час!]. Голова кругом идет!

Иван Прокофьич. Шкатулку! шкатулку! Подай, Гаврюшка, шкатулку. *(Поднимается суматоха; Гаврило Прокофьич убегает в боковую дверь и возвращается с шкатулкой. Иван Прокофьич дрожащими руками вынимает деньги; Лобастов заглядывает, Живновский тоже с участием следит за движениями рук старика. Шкатулка уносится на прежнее место.)*

Живновский. А мне, видно, пойти поторопить Анну Петровну... да кстати там уж и выпить в девичьей. *(Уходит. Проходит несколько секунд томительного ожидания.)*

СЦЕНА X

Те же и Разбитной. (Разбитной входит важно и даже с некоторою осмотрительностью. Все встают.)

Разбитной. Здравствуйте, любезнейший Иван Прокофьич, здравствуйте. Ну, как ваше здоровье?

Иван Прокофьич *(привставая)*. Очень благодарен, милостивый государь! очень благодарен его сиятельству.

Разбитной. Да, я от князя. Князь сегодня встал в очень веселом расположении духа... ночью, знаете, пожар этот был, и это очень старика развлекло. Князь поручил мне осведомиться об вашем здоровье, любезнейший Иван Прокофьич — право! сегодня, знаете, кушал он чай, и говорит мне: «а не худо бы, mon cher, тебе проведать, как поживает мой добрый Иван Прокофьич».

Иван Прокофьич. Премного благодарны его сиятельству... Гаврюша!

Гаврило Прокофьич. Сейчас, дединька! *(Выходит на короткое время и потом возвращается.)*

Разбитной. Он очень часто об вас вспоминает — такой, право, памятный старикашка! Я вам скажу, что если бы этому человеку руки развязать, он не знаю что бы наделал.

Иван Прокофьевич. Да, попечение имеют большое; я сколько начальников знал, а таких заботливых именно не бывало у нас!

Лобастов. Взгляд просвещенный, Иван Прокофьевич.

Разбитной. Д-да, он ведь у нас в молодости либералом был — как же! И теперь еще любит об этом времени вспоминать: «я, говорит, mon cher, с молодую-то сорви голова был!» Преуморительный старикашка! (Входит лакей во фраке с подносом, на котором поставлены разные закуски; сзади другой лакей с подносом, на котором стоят бокалы; в дверях показывается Анна Петровна в шали и в чепце, в течение всей сцены она стоит за дверьми и по временам выглядывает.)

Иван Прокофьевич. Милости просим, Леонид Сергеевич, закусите!

Разбитной. Благодарю покорно, я завтракал с князем.

Иван Прокофьевич. Пожалуйста.

Гаврило Прокофьевич. Mais prenez donc quelque chose, mon cher Vous offensez le vieillard...



«У ПРОКОФИЯ»

Картина маслом Б. Кустодиева, написанная к постановке «Смерти Пазухина» в Художественном театре, 1914 г.

Третьяковская Галлерея, Москва

Разбитной. Э... впрочем я охотно съем этого страсбургского пирога. (Подходит к столу и ест.)

Гаврило Прокофьевич. N'est ce pas que c'est bon?

Разбитной. Délicieux.. да вы гастроном, любезнейший Иван Прокофьевич!

Иван Прокофьевич. Сколько силы мои позволяют, Леонид Сергеевич... вот здоровье мое всё плохое; иной раз и готов бы просить его сиятельство сделать мне честь хлеба-соли откусать, да немощи-то меня очень уж одолели: третий год без ног...

Разбитной. Это ничего, Иван Прокофьевич, князь у нас старик простой; он не будет в претензии, если вы и не выйдете... У вас молодцы внуки за вас угощать будут.

Гаврило Прокофьевич. А что в самом деле, дедина, князь к нам так милостив, что, право, с нашей стороны это даже неблагодарно, что мы не покажем ему нашей признательности за все его ласки.

Иван Прокофьевич. Я с моим удовольствием, Леонид Сергеевич; прошу вас передать князю, что дом мой совершенно в распоряжении его сиятельства.

Разбитной. Князь оценит вашу преданность, Иван Прокофьевич, старик любит преданных. Вероятно, он назначит вам день, когда вы можете принять его... Однако, пирог этот так хорош, что я решаюсь съесть еще кусочек... Ma foi, tant pis pour le dîner du prince! А вы, генерал?

Лобастов. А вот сейчас-с. Мы, признаться, ко всем этим тонкостям не привыкли; по-нашему этак колбасы кусок, чтобы, знаете, жевать было что.

Разбитной. Вы добрый, генерал!

Лобастов (*налив рюмку водки, кланяется*). За здоровье его сиятельства князя Льва Михайлыча.

Иван Прокофьич. Что ты, что ты, Андрей Николаич! кто-ж пьет здоровье водкой... Гаврюша!

Гаврило Прокофьич. Сейчас, дединька! (*Убегает.*)

Разбитной (*вслед ему*). Mais dites, mon cher, qu'on donne des verres et que le champagne soit froid.

Гаврило Прокофьич. Mais, certainement, certainement.

Разбитной. Мы нашего племянника-таки вышколим, Иван Прокофьич. (*Лакей вносит поднос с стаканами и бутылку шампанского; Иван Прокофьич разливает. Разбитной с стаканом в руке*). За здоровье его сиятельства князя Льва Михайлыча! (*Выпивает.*)

Гаврило Прокофьич. Ура! (*Выпивает.*)

Лобастов. Желаю здравствовать! (*Выпивает.*)

Иван Прокофьич. Леонид Сергеич, извините, я встать не могу, но... но... вы будьте свидетели... (*Отпивает немного.*)

Разбитной. Господа! мне очень приятно будет засвидетельствовать перед князем о тех чувствах искренней преданности, которые я нашел в вас. Поверьте, господа, что для сердца начальника дороже всяких почестей, дороже всех богатств сердечное расположение подчиненных. Нет сомнения — и история нам доказывает это с последнею очевидностью — что все сильные государства до тех пор держались, покуда в сердцах подчиненных жили чувства любви и преданности. Как скоро эти истинные, основные начала всех благоустроенных обществ исчезали, самые общества переставали быть благоустроенными. Я говорю, это, господа, здесь потому, что ни где, в другом месте слова мои не могут иметь такого смысла. Здесь я вижу почтенного патриарха, удрученного годами, старого воина, принявшего грудью не один удар во имя любви к отечеству, и, наконец, юношу полного надежд и веры в будущее... И все эти лица, и маститая старость, и увенчанная розами юность — соединяются в одном общем чувстве преданности к любимому начальнику... Господа! мне приятно от лица князя изъявить вам полную его признательность! Господа! я пью за здоровье любезнейшего нашего хозяина. (*Подходит с стаканом к Ивану Прокофьичу и жмет ему руку.*) Иван Прокофьич! да даст вам податель всех благ, всё, чего вы сами для себя желаете! да продлит он ваш век для того, чтобы вы могли на долгие времена следовать влечению вашего доброго сердца и отирать слезы сырых, лишенных крова... (*Выпивает.*)

Гаврило Прокофьич. Ура! (*Пьет.*)

Лобастов (*в сторону*). Ловко подпустил! (*Громко*) Поцалуемся, брат, Иван Прокофьич! (*Цалуются.*)

Иван Прокофьич (*растроганный*). Леонид Сергеич! я... я не могу... не в силах выразить... Гаврюша! (*На ухо Гаврилу Прокофьичу*). Шкатулку принеси. (*Гаврило Прокофьич уходит.*) Доложите его сиятельству, что я жизнью готов... (*Кричит*) Шампанского подать!

Лобастов. Ай да старичина! Вот как расходился!

Гаврило Прокофьич (*с шкатулкой в руках*). Сейчас, дединька, вот возьмите сперва шкатулку. (*Иван Прокофьич вновь отпирает шкатулку и считает деньги.*)

Иван Прокофьич (*подавая деньги Разбитному*). Вот, Леонид Сергеич, малая лепта от трудов моих! Сколько могу, сколько сил моих хватает...



«СМЕРТЬ ПАЗУХИНА» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕАТРЕ

Эскиз декорации 4-го акта

Акварельный рисунок В. Кустодиева, 1914 г.

Театральный Музей им. Бахрушина, Москва.

Разбитой (кладя деньги в карман). Поверьте. Иван Прокофьич князь сумеет оценить...

СЦЕНА X

Те же и Фурначев. Фурначев принадлежит к разряду тех людей, которых называют солидными. Он большого роста, с приличным чину брюшом, ходит прямо, говорит медленно и с достоинством; выражение лица имеет начальственное. При появлении его в лице Ивана Прокофьича разливается самодовольствие.

Фурначев (останавливается в дверях и говорит за кулисами). Скажи, братец, моему кучеру, чтоб он ехал домой и доложил Настасье Ивановне, что я доехал благополучно. Да сейчас же чтоб и воротился... (Подходит к Ивану Прокофьичу). Как вы себя сегодня чувствуете, папенька? (Целует у него руку.) А у меня Настасья Ивановна что-то сегодня расхворалась... А! ваше превосходительство! Леонид Сергеич! Сейчас встретил я по дороге Доброзракова и он сообщил мне утешительную весть, что ваше здоровье [папенька,] весьма удовлетворительно... дай бог! дай бог! [я всегда был того мнения, что болезненное состояние самое неприятное...] не нужно ни богатств, ни почестей, если человек не пользуется первым благом жизни — здоровьем!

Лобастов. Это уж последнее дело!

Иван Прокофьич. Что ж ты не скажешь, чем Настасья-то Ивановна нездорова?

Фурначев. А ее болезнь, папенька, вам известная-с. Вчера свечеру, должно быть, покушала... так, знаете, ночью-то даже дыханье остановилось.

Иван Прокофьич. Да ты бы не давал ей есть-то.

Фурначев. Нельзя, папенька, нельзя-с. Пробовал уж я, да только время напрасно потратил, а время, вы знаете, такой капитал, которого не

воротить.. Всякий капитал воротить можно, а времени воротить невозможно.

Разбитной. Скажите, пожалуйста, Семен Семеныч, вы не были сегодня у князя?

Фурначев. Не был, Леонид Сергеич, не был, потому что не имел чести быть приглашенным.

Разбитной. Странно! а он хотел вас просить!.. знаете, вчера был пожар, погорела вдова с детьми... что-то много их там... княжна очень интересуется положением этих сирот.

Фурначев. Это наш долг, Леонид Сергеич, отирать слезы вдовых и сирых, это, можно сказать, наша священная обязанность... Я не об себе это говорю, Леонид Сергеич, потому что у меня правая рука не знает, что делает левая, а вообще... *(Вносят стаканы с шампанским.)*

Разбитной. Так вы заезжайте к князю: ему будет очень приятно. А между тем мы выпьем здоровье нового жертвователя. *(Берет стакан и намеревается пить.)*

Иван Прокофьич. Нет, Леонид Сергеич, позвольте! Семен Семеныч свой человек, а вы наш гость. *(Берет стакан.)* За здоровье Леонида Сергеича!

Разбитной. Господа! я не нахожу слов выразить всю мою признательность! Почтенный патриарх, предложивший этот тост, почтил не меня самого, а в лице моем упорный труд и непоколебимое бескорыстие на высоком поприще общественного служения. Господа! не под влиянием винных паров, но под влиянием благотворных движений моего сердца говорю я: девизом нашим должен быть труд скромный, но упорный, труд никем не замечаемый, не бросающийся в глаза, но честный, труд сегодня оканчивающийся, и завтра снова начинающийся. Господа! настало для нас время обратить наше умственное око внутрь нас самих, ознакомиться с нашими собственными язвами и изыскать средства к лечению их. Не блестящая эта участь, и не розами, но терниями усыпан путь безвестного труженика, которому приходится в поте лица возделывать землю, плодами которой воспользуются потомки! Но благословим его скромный, невидный труд, пошлем ему во след самые искренние пожелания нашего сердца... Вспомним, что только они могут осветить лучом радости безотрадную пустыню перед нами растилающуюся, вспомним это, и не пожалеем ни добрых слов, ни теплого участия, ни ободрения... Я сказал, господа! *(Пьет.)*

Гаврило Прокофьич. Ура! *(Пьет.)*

Фурначев *(жмет Разбитному руку).* Вы благородный человек, Леонид Сергеич! *(Отпивает немного и ставит стакан.)*

Лобастов *(в сторону).* И где он этак говорить научился!

Иван Прокофьич *(Фурначеву).* Да ты пей всё.

Фурначев. Не могу, папенька, не могу. Здоровья пожелал Леониду Сергеичу от глубины души, а пить не могу. Утром, знаете, натура не принимает!

Лобастов. А у меня вот так во всякое время натура принимает.

Гаврило Прокофьич. И у меня тоже; мы с вами, генерал, добрые... *(Треплет его по спине.)*

Разбитной. Господа! я не могу больше! сердце мое совершенно переполнено... Будьте уверены, мой любезнейший Иван Прокофьич, что я со всею подробностью передам князю те приятные впечатления, которые доставило мне утро, проведенное у вас... Прощайте, господа! *(Уходит. Гаврило Прокофич провожает его за дверь.)*

СЦЕНА XII

Те же, кроме Разбитного. Живоедова и Живновский.

Фурначев. Анне Петровне мое почтение! (*Живновскому*). Здравствуй и ты! (*Живновский кланяется.*)

Живоедова. Здравствуйте, батюшка Семен Семеныч, как Настасья Ивановна в ихнем здоровьи?

Фурначев. Благодарю вас, сударыня, не совсем здорова. Под ложечкой щемит.

Живоедова. Верно, покушала много. Надо ее ужю проведать, голу-бушку. (*Садится в стороне и принимается вязать шерстяной шарф.*)

Фурначев. Премного обяжете, сударыня.

Гаврило Прокофьич (*возвращаясь*). Нет, каково говорит-то Леонид Сергеич, каково говорит! А еще удивляются, что княжна им интересуется! Да я вам скажу, будь я женщиной, да начни он меня убеждать, так я и бог знает чего бы не сделал...

Фурначев (*с расстановкой*). Мягко стелет, но жестко спать.

Гаврило Прокофьич. Уж вы, верно, Семен Семеныч, оттого так говорите, что он к пожертвованию вас пригласил: жаль расстаться с деньгами-то! И куда только вы их бережете!

Фурначев. Вы, конечно, по молодости, Гаврило Прокофьич, так говорите. Вам не знакома еще наука жизни, а ведь куда, я вам доложу, корни учения горьки! Вот папенька это знает!

Иван Прокофьич. Это ты правду сказал, Семен.

Гаврило Прокофьич. Зато плоды сладки. А у вас, Семен Семеныч, не только чай фрукты, а и новые семена здесь завелись! (*Бьет его по боковому карману. Все смеются.*)



«СМЕРТЬ ПАЗУХИНА» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕАТРЕ

Эскиз декорации 4-го акта

Акварельный рисунок В. Кустодиева, 1914 г.

Театральный Музей им. Вахрушина, Москва

Фурначев. В чужом кармане денег никто не считал, Гаврило Прокофьич! Про то только владыка небесный может знать, что у кого есть и чего нет! А если бы и доподлинно были деньги, так они, можно сказать, чрез великий жизненный иску́с приобретены! Дай вам бог и не знать этого иску́са, Гаврило Прокофьич!

Иван Прокофьич. Ну, полно, полно, Семен, это он по глупости больше сказал.

Фурначев. Нет, папенька, Гаврило Прокофьич очень меня обидели! Конечно, я зла на них не помню, потому что истинный христианин всякую обиду должен оставить втуне...

Иван Прокофьич. Ну, и брось... А вот ты лучше скажи, что нового в городе делается?

Фурначев. По палате у нас, слава богу, благополучно. Вчерашнего числа совершился заподряд... слава богу, благополучно-с!

Иван Прокофьич. Почему за ведро?

Фурначев. По пятидесяти по пяти копеек-с. Цена настоящая-с.

Иван Прокофьич. Да, цена хороша... Господи! давно ли, кажется, еще на моей памяти по двадцати копеек с ведра брали, да еще и как благодарны-то бывали!

Лобастов. Да, были такие времена добрые, Иван Прокофьич!.. Вот я нынче Василья своего за овсом на базар посылал, так даже удивился — тридцать копеек за пуд!

Живоедова. А мы по двадцати по девяти свой покупали!

Живновский. Я так думаю, что всё это от образования цены поднимаются... Смешно, сударь, сказать, а нынче даже мужик в сапогах ходить желает!

Фурначев. Нет-с, я с своей стороны полагаю, что оттого поднялись цены, что всякий торговец свой интерес соблюдает. Возьмем хотя заводчиков: они знают, что у царя денег много, ну, и берут по сообразности.

Лобастов. От того ли, от другого ли, только я знаю, что десять лет назад пуд овса стоил сорок копеек на ассигнации, а теперь и по рублю не купить!..

Живновский. Не купить, ваше превосходительство, не купить... Намеднись вот, Егор Иваныч поручил мне эту комиссию — ходил, сударь, ходил, уж и ругал-то я их всяким манером: христопродавцы вы, говорю, жида! а не купил-с!

Лобастов. Нет, видно, выпить с горя, да по домам! Гаврило Прокофьич! хватим!

Гаврило Прокофьич. А что вы думаете? Я, Андрей Николаич, славный малый, я всегда готов по приятельски, не то, что иные-прочие, что по утрам от шампанского отказываются... за ваше здоровье, дяденька Семен Семеныч! (Пьет.)

Иван Прокофьич. Полно, полно, заноза!

Фурначев. Оставьте их, папенька! пускай теперь смеются! после сами же оценят...

Лобастов (Живновскому). Ну, а ты, Иов многострадаальный? (Подносит ему рюмку.)

Живновский. Я с удовольствием-с. (Пьет.)

Иван Прокофьич (вполголоса Фурначеву). Ну, а на нищую братию много ли пришлось?

Фурначев. Да по пяти копеек-с.

Иван Прокофьич. Что больно много?

Фурначев. Да нынче времена совсем другие, папенька. Прежде вот князь не брал, а нынче собственно для себя по две копейки потребо-

вали; ну-с, непосредственное начальство полторы пожелало, мне копеечку, а полкопейки на прочих... Оно так пять копеек и выдет..

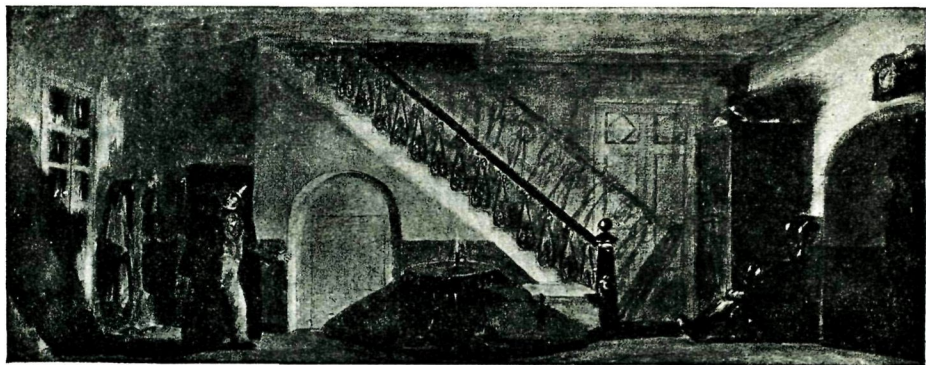
Иван Прокофьевич. Им стало быть, по пятидесяти копеек останется... чтож, это безобидно!

Фурначев. Профит хороший-с. Ведь и заподряд-то весь четыреста тысяч, папенька! Стало быть и всего-то на все четыре тысячи на мой пай придется — надо же и извернуться!

Иван Прокофьевич. Это ты правильно! Анна Петровна, принеси шкатулку!

Фурначев. Покорно вас благодарю, папенька!

Иван Прокофьевич. Ничего, братец, ничего, деньги к деньгам — это так следует! [Вот этому выжиге Николке — это точно, что грех давать! И чорт его знает, куда только он деньги деваает! Что ни увидит — всё ему подай: такие уж глаза завидующие! Намеднись вот, сказывают, у табатерщика тридцать табатерок купил; или вот картинщик еще приезжал — тоже всю лавку разом скупил. И хоть бы картины-то были священные,



«СМЕРТЬ ПАЗУХИНА» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕАТРЕ

Эскиз декорации 4-го акта

Акварельный рисунок В. Кустодиева, 1914 г.

Вятский Музей

а то просто одна непристойность — и жену-то свою испортит! Я ему говорю: осел ты! А он мне: «ничего, говорит, папенька, пригодятся потом!» Да еще и смеется анафема! деньги-то не свои небось!

Живоедова (с шкатулкой в руках). Да как он Танечку-то тиранит, Иван Прокофьевич! Намеднись — сказывала мне ихняя кухарка — вздумала она что-то ему поперек сказать, так он на нее: «только ты, говорит, пикни!» да кулачищем-то так вперед и тычет. Хоть бы вы его что ли остепенили, Семен Семеныч!

Фурначев. Нет-с, уж увольте меня, Анна Петровна; я человек скромный-с; по мере сил моих могу приносить пользу отечеству, а больше я ничего не могу-с!

Иван Прокофьевич. Да кто с ним, с озорником, сладит! Вот я посажу его на сухоядение... (Вынимает деньги) А тебе, Семен, дать не грех: тебе деньги в прок идут! (Дает.)

Лобастов. Дородства прибавляют! (Треплет Фурначева по спине.)

Фурначев. Чувствительнейше вам, папенька, благодарен! (Цалует ему руку.) Там еще за вами безделица осталась...

Иван Прокофьевич. По делам что-ли? Ну, это из конторы получишь: я, брат, знаю, что сыновство сыновством, а служба службой.

Живновский. Это самое правильное — счетов не смешивать.

Гаврило Прокофьевич. Вы бы уж, дединька, и мне кстати пожаловали.

Иван Прокофьевич. А тебе на что?

Гаврило Прокофьевич. На непредвидимые расходы, дединька, на непредвидимые...

Иван Прокофьевич. Ну, уж бог с тобой! Такой уж, видно, день сегодня пришел, что с деньгами расставаться нужно... На!

Гаврило Прокофьевич (рассматривая бумажку). Сто-то рублей!

Иван Прокофьевич. Ну, будет, будет с тебя!

(Во время раздачи денег Живновский находится в самом мучительном положении.)

СЦЕНА XIII

Те же и Калужанинов. Калужанинов человек роста малого, толстенький, быстр в движениях и часто махает руками; произношение имеет очень выразительное: в выговаривает как ф, ж, как ш. Он в форменном сюртуке.

Калужанинов (вбегая). Слышали? слышали?

Иван Прокофьевич. Ну! верно опять табатерок накопил! (Все смеются.)

Калужанинов. Удивительная вещь! Знаете, какую штуку с нами приятель-то удрал?

Иван Прокофьевич (с беспокойством). Что такое? что такое еще случилось?

Калужанинов. Представьте себе, сижу я сейчас у княжны. Вчера, знаете, пожар был, так она посылала чиновников по купцам за пожертвованьем... Только вот сижу я и приходит чиновник от Прокофья... Да нет, вы угадайте, сколько любезнейший-то братец пожертвовал? Нет угадайте! (Все ожидают с страхом.) Двугри-венный!

Иван Прокофьевич (падая на спинку кресла). Ах ты, господи!

Живоедова (бросаясь к Ивану Прокофьевичу. Калужанинову). Ишь тебя нелегкая принесла! воды! спирту!

Живновский. Сразил!..

(Общая суматоха; все группируются около Ивана Прокофьевича. Занавес опускается.)

КОММЕНТАРИИ

Комедия Салтыкова «Царство смерти» представляет собою первоначальную редакцию его комедии «Смерть Пазухина». При переработке комедии особенным изменениям подверглось первое действие «Царства смерти»; не совпадая с первым действием «Смерти Пазухина», оно представляет самостоятельный интерес — поэтому и публикуется здесь полностью.

Полная черновая рукопись всех четырех действий «Царства смерти» сохранилась в архиве М. М. Стасюлевича и находится в настоящее время в Институте Русской Литературы. Сохранилась также копия первого действия, правленная автором. Первоначальным заглавием комедии (в черновой рукописи) было «Смерть». Выше заглавия вписано, как заглавие цикла — «Губернские очерки» («Царство смерти» связано с циклом «Губернских очерков» и вообще с крутогорским циклом фигурами Фурначева, Живновского и Разбитного; есть упоминания и о Пазухиных). Заглавие «Смерть» переделано еще в черновой рукописи на «Царство смерти». В копии зачеркнуты оба заголовка — и «Губернские очерки», и «Царство смерти»; вместо этого написано сначала «Конец венчает дело», затем — «Смерть Пазухина» (конечно и во всем тексте Размахнины заменены Пазухиными).

Черновая рукопись «Царства смерти» позволяет отчасти проследить историю замысла. Первоначально предполагалось большее число действующих лиц: еще два сына Прокофия Размахнина — Иван 30 лет и Петр 28 лет, жена Ивана — Людмила Никандровна, сын Лобастова 38 лет, майор. Все эти имена были вычеркнуты уже из афиши.

В копии первое действие подверглось некоторому сокращению: ряд реплик и отдельных выражений вычеркнут авторской рукой.

Для более ясной картины работы Салтыкова над комедией мы заключаем все исключенные впоследствии места в квадратные скобки. Таким образом, если читать наш текст сплошь, не обращая внимания на скобки,—получается редакция черновой рукописи.

Мы воспроизводим здесь эту именно первоначальную редакцию, так как работа, произведенная автором при правке копии, представляет собою лишь некоторый промежуточный момент между первоначальным и окончательным замыслом комедии. Об этом этапе работы можно получить понятие, если, с одной стороны, опустить всё, заключенное в квадратные скобки, а с другой, учесть приведенные ниже вставки, сделанные в копии.

В дальнейшем, при выработке последней (печатной) редакции «Смерти Пазухина» — первое действие было коренным образом переработано. Три роли были совершенно исключены из текста комедии (кроме раньше исключенного Калужанинова): Гаврила Прокофьевич, Понжперховский и Разбитной. Вместе с ролью Разбитного отпало все, что с ней связано: пожертвование старика Пазухина (бывшего Размахнина), его первый припадок из-за «двугривенного» в конце первого акта. Сцена перенесена из дома отца — в дом сына (Прокофия Ивановича); в центре действия оказались переговоры Лобастова, но здесь не с Гаврюшей, а с отцом. Лобастов ставит теперь более определенные условия: он готов хлопотать перед старым Пазухиным, чтобы тот составил завещание в пользу Прокофия, а Прокофий за это устраивает брак Гаврюши с Леночкой и обязуется отдать Лобастову четвертую часть наследства. При этом Лобастову удастся уговорить Прокофия Ивановича обрить бороду; решение это укрепляется после того, как Живоныйский привозит слух, что духовная составлена. Вообще в окончательной редакции «Смерти Пазухина» борьба за завещание осуществляется, начиная с первого действия. По сравнению с «Царством смерти», первый акт последней редакции вдвое короче — и это несмотря на то, что введено три новых эпизодических лица: жена и теща Прокофия и мещанин-раскольник Никола Велегласный.

Кое-что из первого действия «Царства смерти» перешло в другие действия «Смерти Пазухина».

В дальнейшем ходе сюжета многое — по сравнению с «Царством смерти» — меняется. С выпадением роли Понжперховского меняется вся характеристика Живоной: она заботится только о себе самой и своих интересах: брак (на этот раз с каким-нибудь «палатским чиновником») для нее — дело второстепенное. В другой обстановке проходит обличение Прокофия Пазухина. Другой характер приобретают и сцены с Леночкой Лобастовой, так как брак ее с Гаврюшей в этом варианте не решен окончательно.

Четвертое действие от первой редакции отличается мало.

Приводим добавления, внесенные автором в текст первого действия (вставки на полях упомянутой выше копии).

Существенно-новыми социально-бытовыми чертами дополнена характеристика отношений между Размахниным-отцом и Размахниным-сыном (разговор Живоной с Басвым на стр. 58). Вместо слов «Да и Прокофеей-то Иваныч тоже ведь с норовом!» — в реплику Живоной вписано: «Да ты в уме что-ли, Прохорыч? как, чем не угодил!» Затем вставлено: «Ивану-то Прокофеевичу разве только сына иметь следственно? Ведь теперь старик-то в благородные попадет, а Прокофеей-то Иваныч разве это чувствует? Нет, ты скажи, разве чувствует он?»

Несколько ниже, после слов Живоной: «Ты одно это себе вообрази, Финагешка!» — следует такой обмен репликами:

Басв. Справедливо, сударыня, справедливо!

Живоной. Сколько у нас в ту пору с ним ломки-то было, как старик-то от его обнутариться понуждал! Не хочу, говорит, браду мою в жертву антихристу принести, хочу, говорит, жить, как дедушки мои жили! Так ведь и дедушки-то у него за пестрой свиней в поросятках хаживали!

Басв. Что справедливо, то справедливо, сударыня!

Живоной. Ну, опять и то: вздумал он жениться... Ведь он уж не маленький, чтоб прихоть свою соблюдать, без малого-поди шестьдесят будет [Ну, Иван-то Прокофеевич тоже Гаврюшеньку жалел, как в ту пору на женитьбу-то запрет положил, потому как и большие господа об том очень радеют, чтоб именно ихнему раздробления не было... однако он внушения родительские оставил втуне.] Да что еще выдумал (и т. д.).

Поставленная в квадратные скобки фраза зачеркнута. Окончание сцены VI, в результате переработки, приняло такой вид (после ухода Живоной):

Понжперховский. А порядочную-таки вы, Гаврило Прокофеевич, головомойку папеньке-то задали?

Гаврило Прокофеевич (охарашиваясь перед зеркалом). А что, разве вы думали, что я ему спущу! что он мне отец, так я, по-вашему, на все его пакости равнодушно

смотреть должен... держи карман! довольно с него и того, что женился — ну и пусть над женой озорничает, а не над нами!

Понжперховский. А ведь прераппетитную дамочку папенька-то ваш поддел! вот бы вам поволочиться-то!

Гаврило Прокофьич. А что вы думаете? Попробовать ведь можно... Я, знаете, без предрассудков... А превкусная бабенка эта *chère maman*... чорт возьми!

Лобастов. Полно, полно, греховодник! Да и вы-то, полковник, нашли кого в соблазн вводить... сына! Уж ушли бы лучше!

Понжперховский. А и то уйти... не люблю я этого Разбитного!

В сцене VII переработана реплика Лобастова о Леночке (стр. 72):

Лобастов. Так-то так-с,— и сам я это вижу,— да ведь она у меня одно только и есть детище! Теперича рассудите вы сами: какой уж я человек! Не сегодня завтра в будущую жизнь переселиться должен, так у меня, что называется, кроме как чадолюбия, и в естестве-то ничего не осталось. (Начинает ходить по комнате с усиленною поспешностью). Вы, Гаврило Прокофьич, не смотрите, что я водкой занимаюсь... я хоть и пью, а у меня родительское-то сердце еще пуще от того изнывает!

В сцене XII после второй реплики Лобастова (стр. 82) вставлены слова: «Да, были времена добрые!» — и затем непосредственно: «Гаврило Прокофьич! хвати!» (из следующей реплики).

Наконец приняла другой вид и последняя сцена (XIII), так как вместо Калужанинова извещает о поступке Прокофия Пазухина Доброзраков:

Те же и Доброзраков.

Доброзраков (*Ивану Прокофьичу*). Слышал, брат?

Иван Прокофьич. Что такое?

Доброзраков. Какую штуку сынок-то твой удрал?

Иван Прокофьич (*с беспокойством*). Что такое? что такое еще случилось?

Доброзраков. Еду, брате, я по практике, и встречаю Марка Ардалыонича Филонверптова. Ну, разумеется, то-се, другое-третье: «а слышал ли ты, говорит, сколько Прокофий Пазухин на погорелых пожертвовал?» Да нет, вы угадайте сколько? (*Все ожидают со страхом*). Двугри-вен-ный! (И т. д. как в первоначальной редакции, с заменой Калужанинова Доброзраковым.)

Более мелкие отличия переработанной редакции приводим по сноскам, сделанным в соответствующих местах нашего текста.

¹ В копии вставлено: «обитые малиновым штофом; на столах и на стене много бронзы».

² В копии вставлено: «толстый».

³ В копии, вместо двух следующих реплик: Баев садится.

⁴ В копии начало реплики исправлено так: Понжперховский (*с расстановкой*). Я бы на вашем месте, как начнет старик-то умирать, все бы эти приятные капиталы, какие у него найдутся, к одному месту-с.

⁵ В копии исправлено: «Водки что больше пить, то лучше».

⁶ В копии вместо всего следующего вычерка: (*вновь слышится стук экипажа*). Ну, уж это наверно наследники.

⁷ В копии «рады» исправлено на «готовы».

⁸ В копии: «Здесь что ли ваше место?»

⁹ В копии вставлено: «Гаврюшенька».

¹⁰ В копии: «И».

¹¹ В копии добавлено: «зрелища».

¹² В копии добавлено: «да не оставь духовной».

¹³ В копии добавлено: «указывая рукой на Пазухина».

Переделав «Царство смерти» в «Смерть Пазухина», Салтыков использовал часть отброшенного материала первого действия для самостоятельной сцены «Утро Хрептюгина» (напечатано впервые в «Библиотеке для чтения» 1858 г., № 2; затем вошло в сборник «Невинные рассказы»). Текст «Утра Хрептюгина» вырабатывался на той же копии, по которой здесь печатается первое действие «Царства смерти».

Сопоставление «Смерти Пазухина» и «Утра Хрептюгина» с публикуемым здесь первым действием «Царства смерти» уясняет многое как в истории работы Салтыкова над «крутогорским циклом», так и в методе его работы в эти годы. Разумеется для окончательных выводов должны быть привлечены к делу все рукописные и печатные варианты как «Царства смерти» — «Смерти Пазухина», так и других произведений, входящих в крутогорский цикл («Губернские очерки», «Невинные рассказы», рассказ «Мених» и нек. др.).